1 МАЯ

МИР



ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 18 АПРЕЛЬ 1979

В президиуме торжественного заседания, посвященного 109-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Фото А. Гостева

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА

20 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 109-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Продолжительными аплодисментами встретили участники заседания товарищей Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова, М. С. Горбачева.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

С докладом «КПСС высоко несет ленинское знамя» выступил секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов.

Доклад был выслушан с вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2703)

28 АПРЕЛЯ 1979

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

О ПРИСУЖДЕНИИ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР т. БРЕЖНЕВУ Л. И. ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложение Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР о присуждении Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР т. Брежневу Л. И. Ленинской премии за книги «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», постановляют:

Присудить товарищу Брежневу Леониду Ильичу Ленинскую премию за книги «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», за неустанную борьбу за мир.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС — **СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР**

Москва, Кремль. 19 апреля 1979 года. На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Фото А. Гостева



Л. И. БРЕЖНЕВ.
Генеральный секретарь ЦК КПСС,
Председатель Президиума Верховного Совета СССР

ТОРЖЕСТВО СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Два дня в Москве, в Кремле, работала первая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва. Выборы народных депутатов в Верховный Совет СССР впервые проводились на основе новой Конституции СССР.

Работа сессии началась 18 апреля на раздельных заседаниях палат Верховного Совета СССР — Совета Национальностей и Совета Союза. Были избраны Председатели Совета Национальностей и Совета Союза, их заместители.

Депутаты утвердили регламент раздельных и совместных заседаний Совета Союза и Совета Национальностей и единогласно утвердили повестку дня сессии.

Были избраны Мандатные комиссии Совета Национальностей и Совета Союза, заслушаны доклады председателей Мандатных комиссий. Затем были образованы постоянные комиссии.

В тот же день в 17 часов в Большом Кремлевском дворце открылось первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встретили участники заседания товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова, М. С. Горбачева.

РУКОВОДИТЕЛИ ПАЛАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР



В. П. РУБЕН. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР.



К. Б. ДОНЕНБАЕВА. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.



Н. М. ЗАЙЧЕНКО. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.



Д. Б. КАБАЛЕВСКИЙ. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.



М. МИРЗОМУРАДОВ. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.



А. П. ШИТИКОВ. Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР.



П. П. ГРИШКЯВИЧУС. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.



П. КУРБАНОВ. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.



Б. Е. ПАТОН. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.



З. П. ЯРОШЕВИЧ. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

Сессия перешла к рассмотрению очередного вопроса повестки дня — избранию Президиума Верховного Совета СССР.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС, депутату М. А. Суслову.

— По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза вношу на ваше рассмотрение,— сказал тов. М. А. Суслов,— предложение, поддержанное партийной группой Верховного Совета и Советами Старейшин палат, вновь избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарища Леонида Ильича Брежнева.

Все встают и встречают это предложение бурными, продолжительными аплодисментами.

— Первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР,— продолжает М. А. Суслов,— вновь рекомендуется кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС товарищ Кузнецов Василий Васильевич.

М. А. Суслов вносит на рассмотрение депутатов предложения о заместителях Председателя, секретаре и членах Президиума Верховного Совета СССР.

Верховный Совет СССР единодушно вновь избирает депутата Л. И. Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР. По залу прокатываются бурные аплодисменты.

Затем депутаты единогласно избрали первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР депутата В. В. Кузнецова. Единогласно избираются заместители Председателя, секретарь и члены Президиума Верховного Совета СССР.

Слово предоставляется Л. И. Брежневу. Депутаты и гости встают и приветствуют его бурными, продолжительными аплодисментами.

— Прежде всего,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— разрешите от имени только что избранных членов Президиума Верховного Совета СССР, от себя лично сердечно поблагодарить Центральный Комитет Коммунистической партии и депутатов Верховного Совета за большое доверие, которое нам оказано. Уверен, что каждый из нас не пожалеет сил, чтобы оправдать его.

Председательствующий А. П. Шитиков огласил поступившее на его имя заявление Председателя Совета Министров СССР депутата А. Н. Косыгина:

«В соответствии со статьей 129 Конституции СССР Совет Министров СССР считает свои обязанности исчерпанными и слагает свои полномочия перед вновь избранным Верховным Советом СССР.

Совет Министров СССР просит Вас довести это заявление до сведения Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик».

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу, встреченному горячими аплодисментами. Он сказал:

— По поручению Центрального Комитета КПСС предлагаю одобрить деятельность правительства по проведению в жизнь политики нашей партии, решений ее съездов и Пленумов ЦК.

Вношу на ваше рассмотрение предложение ЦК КПСС, поддержанное партийной группой Верховного Совета СССР и Советами Старейшин палат, вновь назначить Председателем Совета Министров СССР товарища Косыгина Алексея Николаевича.

Верховный Совет СССР в своем постановлении единогласно принял к сведению заявление Совета Министров СССР и одобрил деятельность Советского правительства. Председателем Совета Министров СССР назначен А. Н. Косыгин. Ему поручено представить Верховному Совету СССР предложение о составе правительства СССР.

19 апреля на втором совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей председательствующий В. П. Рубен от имени депутатов приветствовал присутствующих на сессии гостей Верховного Совета СССР — делегацию палаты представителей США во главе с Д. Брадемасом.

Сессия заслушала и обсудила доклад Первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецова о проекте Регламента Верховного Совета СССР и о внесении изменений и дополнений в Положение о постоянных комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Верховный Совет СССР раздельным голосованием по палатам единогласно принимает Регламент Верховного Совета СССР, а также Закон о внесении изменений и дополнений в Положение о постоянных комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

На заключительном совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховный Совет СССР приступил к образованию Совета Министров. Председатель Совета Министров СССР депутат А. Н. Косыгин представил на рассмотрение и утверждение Верховного Совета СССР состав правительства Союза Советских Социалистических Республик — Совета Министров СССР, одобренный Центральным Комитетом КПСС и партийной группой Верховного Совета СССР.

Единогласно Верховный Совет СССР утверждает состав правительства СССР — Совета Министров СССР. После этого от имени вновь образованного правительства выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Верховный Совет СССР образовал Комитет народного контроля СССР под председательством тов. А. М. Школьникова, избрал Верховный Суд СССР во главе с Председателем тов. Л. Н. Смирновым и назначил Генеральным прокурором СССР тов. Р. А. Руденко.

На этом первая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва закончила работу.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР


В. В. КУЗНЕЦОВ.
Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


М. А. ЯСНОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


А. Ф. ВАТЧЕНКО.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


И. Е. ПОЛЯКОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


И. Б. УСМАНХОДЖАЕВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


И. АБДУКАРИМОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


П. Г. ГИЛАШВИЛИ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


К. А. ХАЛИЛОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


А. С. БАРКАУСКАС.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


К. Ф. ИЛЬЯШЕНКО.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


П. Я. СТРАУТМАНИС.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


А. ДУЙШЕЕВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


М. ХОЛОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


Б. Е. САРКИСОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


Б. ЯЗКУЛИЕВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


И. Г. КЭБИН.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.


М. П. ГЕОРГАДЗЕ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.


Р. А. ГАВРИЛОВА.
Член Президиума Верховного Совета СССР.


Р. Г. ГАМЗАТОВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.


А. В. ГИТАЛОВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.


В. В. ГРИШИН.
Член Президиума Верховного Совета СССР.


Н. А. ЗЛОБИН.
Член Президиума Верховного Совета СССР.


В. И. КОНОТОП.
Член Президиума Верховного Совета СССР.


Д. А. КУНАЕВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР


П. М. МАШЕРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Е. И. МУХИНА. Член Президиума Верховного Совета СССР.


В. В. НИКОЛАЕВА-ТЕРЕШКОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Н. А. НОВОСЕЛОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Б. Н. ПАСТУХОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


А. И. ПОКРЫШКИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Ш. Р. РАШИДОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Г. В. РОМАНОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Г. Н. СМИРНОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Ф. А. ТАБЕЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


Е. К. ФЕДОРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


М. З. ШАКИРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


А. И. ШИБАЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.


В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТ


А. Н. КОСЫГИН. Председатель Совета Министров СССР.


Н. А. ТИХОНОВ. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.


К. Ф. КАТУШЕВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


Т. Я. КИСЕЛЕВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


Н. С. ПАТОЛИЧЕВ. Министр внешней торговли СССР.


С. А. ОРУДЖЕВ. Министр газовой промышленности СССР.


Н. А. МАЛЬЦЕВ. Министр нефтяной промышленности СССР.


П. В. ФИНОГЕНОВ. Министр оборонной промышленности СССР.

ВО СОЮЗА ССР—СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР


Н. К. БАЙБАКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного планового комитета СССР.


В. А. КИРИЛЛИН. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета СССР по науке и технике.


И. Т. НОВИКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета СССР по делам строительства.


Н. В. МАРТЫНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР председатель Государственного комитета СССР по материально-техническому снабжению.


И. В. АРХИПОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


В. Э. ДЫМШИЦ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


М. А. ЛЕСЕЧКО. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


В. Н. НОВИКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


З. Н. НУРИЕВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


Л. В. СМИРНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.


В. А. КАЗАКОВ. Министр авиационной промышленности СССР.


В. Н. ПОЛЯКОВ. Министр автомобильной промышленности СССР.


Б. П. БУГАЕВ. Министр гражданской авиации СССР.


В. В. БАХИРЕВ. Министр машиностроения СССР.


К. Н. БЕЛЯК. Министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР.


И. И. ПУДКОВ. Министр машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР.


А. К. МЕЛЬНИЧЕНКО. Министр медицинской промышленности СССР.


Т. Б. ГУЖЕНКО. Министр морского флота СССР.


Д. Ф. УСТИНОВ. Министр обороны СССР.


С. А. АФАНАСЬЕВ. Министр общего машиностроения СССР.


К. Н. РУДНЕВ. Министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР.


Э. К. ПЕРВЫШИН. Министр промышленности средств связи СССР.


И. Г. ПАВЛОВСКИЙ. Министр путей сообщения СССР.


П. С. ПЛЕШАКОВ. Министр радиопромышленности СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР—


Е. П. СЛАВСКИЙ. Министр среднего машиностроения СССР.


А. И. КОСТОУСОВ. Министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.


Е. С. НОВОСЕЛОВ. Министр строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР.


Б. Е. ЩЕРБИНА. Министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.


М. В. ЕГОРОВ. Министр судостроительной промышленности СССР.


И. Ф. СИНИЦЫН. Министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.


А. К. АНТОНОВ. Министр электротехнической промышленности СССР.


В. В. КРОТОВ. Министр энергетического машиностроения СССР.


Н. А. ЩЕЛОКОВ. Министр внутренних дел СССР.


В. П. ЕЛЮТИН. Министр высшего и среднего специального образования СССР.


Е. А. КОЗЛОВСКИЙ. Министр геологии СССР.


Г. С. ЗОЛОТУХИН. Министр заготовок СССР.


Б. В. БАКИН. Министр монтажных и специальных строительных работ СССР.


С. Ф. АНТОНОВ. Министр мясной и молочной промышленности СССР.


В. С. ФЕДОРОВ. Министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР.


В. П. ЛЕИН. Министр пищевой промышленности СССР.


А. М. ТОКАРЕВ. Министр промышленного строительства СССР.


А. И. ЯШИН. Министр промышленности строительных материалов СССР.


Н. В. ГОЛДИН. Министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР.


А. И. СТРУЕВ. Министр торговли СССР.


Б. Ф. БРАТЧЕНКО. Министр угольной промышленности СССР.


В. Ф. ГАРБУЗОВ. Министр финансов СССР.


П. Ф. ЛОМАКО. Министр цветной металлургии СССР.


И. П. КАЗАНЕЦ. Министр черной металлургии СССР.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР



И. Д. СОСНОВ. Министр транспортного строительства СССР.



В. Ф. ЖИГАЛИН. Министр тяжелого и транспортного машиностроения СССР.



К. И. БРЕХОВ. Министр химического и нефтяного машиностроения СССР.



Л. А. КОСТАНДОВ. Министр химической промышленности СССР.



К. И. ГАЛАНШИН. Министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР.



А. И. ШОКИН. Министр электронной промышленности СССР.



Б. В. ПЕТРОВСКИЙ. Министр здравоохранения СССР.



А. А. ГРОМЫКО. Министр иностранных дел СССР.



П. Н. ДЕМИЧЕВ. Министр культуры СССР.



Н. Н. ТАРАСОВ. Министр легкой промышленности СССР.



Н. В. ТИМОФЕЕВ. Министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР.



Н. Ф. ВАСИЛЬЕВ. Министр мелиорации и водного хозяйства СССР.



М. А. ПРОКОФЬЕВ. Министр просвещения СССР.



В. М. КАМЕНЦЕВ. Министр рыбного хозяйства СССР.



Н. В. ТАЛЫЗИН. Министр связи СССР.



С. Д. ХИТРОВ. Министр сельского строительства СССР.



В. К. МЕСЯЦ. Министр сельского хозяйства СССР.



Г. А. КАРАВАЕВ. Министр строительства СССР.



П. С. НЕПОРОЖНИЙ. Министр энергетики и электрификации СССР.



В. И. ТЕРЕБИЛОВ. Министр юстиции СССР.



И. С. НАЯШКОВ. Председатель Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий.



В. В. БОЙЦОВ. Председатель Государственного комитета СССР по стандартам.



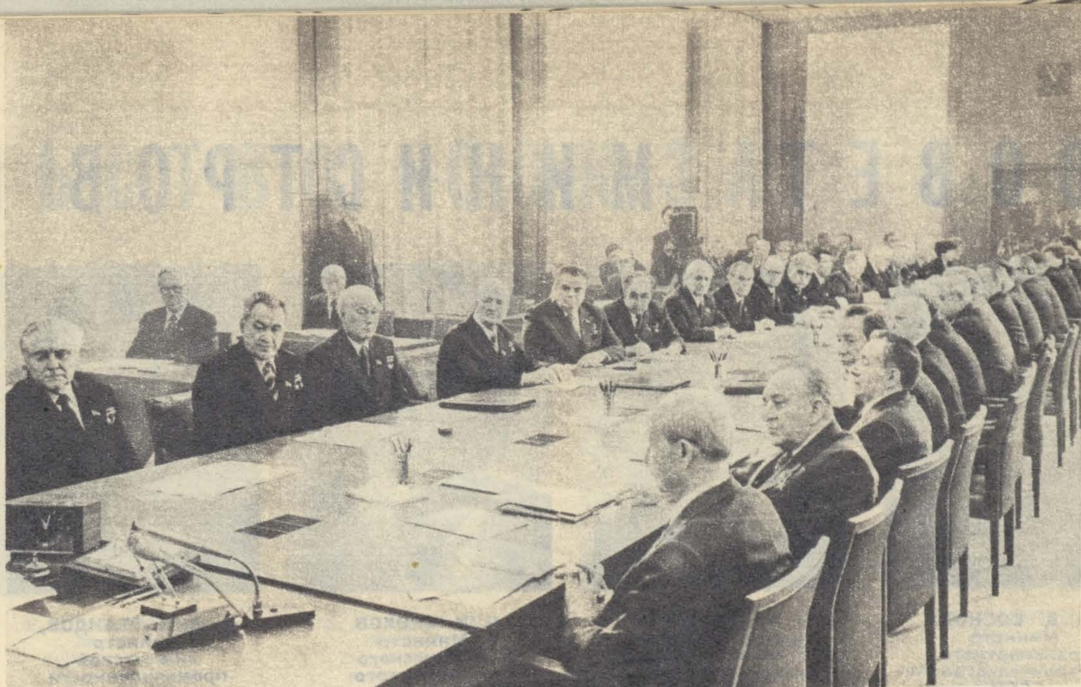
С. А. СКАЧКОВ. Председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям.



Ю. А. ИЗРАЭЛЬ. Председатель Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды.

См. стр. 26





Заседание Президиума Верховного Совета СССР. Товарищ Л. И. Брежнев подписывает Указ о ратификации договора и ратификационную грамоту. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС).

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева 20 апреля в Кремле состоялось первое заседание Президиума Верховного Совета СССР десятого созыва.

На заседании Президиума рассмотрен вопрос о ратификации Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан, подписанного в Москве 5 декабря 1978 года.

От имени Совета Министров СССР, представившего договор на ратификацию, с сообщением выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Выступивший от имени комиссий по иностранным делам палат Верховного Совета СССР кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, Председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Б. Н. Пономарев сказал, что обсуждение договора на комиссиях Верховного Совета подтвердило, что это документ большого политического значения. От имени комиссий по иностранным делам Б. Н. Пономарев внес предложение ратифицировать договор.

Выступивший по этому вопросу Л. И. Брежнев сказал:

Состоявшееся сегодня обсуждение Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан достаточно полно, я бы сказал всесторонне, характеризует смысл и значение этого весьма важного политического документа.

Прежде всего в этом договоре отчетливо видна идущая от основателя нашего государства Владимира Ильича Ленина последовательная линия советской внешней политики. Можно сказать, что договор — это конкретное развитие в нынешних условиях добрых начал, которые были заложены лично Владимиром Ильичем в становлении советско-афганских отношений.

В заключение Л. И. Брежнев предлагает ратифицировать Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан и ставит проект Указа о ратификации договора на голосование.

Президиум Верховного Совета СССР единогласно ратифицирует Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан.

Товарищ Л. И. Брежнев подписывает Указ о ратификации договора и ратификационную грамоту.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СУББОТНИК

Он был шестидесятым, этот день красной субботы, праздник бескорыстного труда. Еще в 1919 году внеурочную смену пятнадцати ремонтников депо Москва-Сортировочная В. И. Ленин провидел как Великий почин. И тот почин действительно породил благородную традицию коммунистических субботников.

В этом году советские люди потрудились для фонда помощи братскому Вьетнаму, отразившему китайскую агрессию. Миллионы мужчин и женщин, юношей и девушек, коммунистов, комсомольцев и пионеров вышли ранним весенним утром 21 апреля дружно поработать на заводе, стройке, в поле, саду, во дворе или на улице родного поселка и города. Так было и в самых отдаленных селах и городах страны, так было и в столице, на родине Великого почина.

Москвичей на работу позвал гудок того самого паровоза, отремонтированного бесплатно весной 1919 года. А потом в депо Москва-Сортировочная состоялся торжественный митинг. На нем выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС товарищ В. В. Гришин.

На юбилейном субботнике были изготовлены сверхплановые машины, станки, подняты новые этажи, засеяны сверхплановые гектары, приведены в порядок парки, бульвары, сады.

Н. БЫКОВ

Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева. Главный сборочный конвейер. В день субботника зиловцы сделали 600 автомобилей и 500 холодильников. Фото И. Гаврилова





И. Пензов. Род. 1928. ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ. 1979.

ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Юрий РЫТХЭУ

публицистические заметки

Однажды археолог Теин Тасьян показывал мне в Магадане, в научно-исследовательском институте, древние орудия труда, найденные на острове Врангеля:

— Представьте себе, этим орудиям многие тысячи лет. Наш предок любил работать!

И верно: только человек, полюбивший труд, мог сработать такие орудия, украсить их орнаментом, как бы отражавшим стремление к созидательному действию.

Исторически складывалось так, что труд для человека всегда был естественным и необходимым состоянием. Как дыхание.

Но это продолжалось до той поры, пока не стали делать предметов быта, оружия в значительно большем количестве, чем было необходимо для жизни мастера и его семьи, а собственно труд и рабочие руки превратились в товар. Эксплуатация человека человеком низвела труд до уровня повинности, тяжелой необходимости, даже наказания, сделала труд проклятием для значительной части населения земного шара. Но даже и в условиях эксплуатации, даже во времена рабства и крепостничества, в массе трудящихся отношение к труду было уважительным и стихийно верным. Даже подневольный труд был способен создать и оставить после себя такие памятники человеческой культуры, которые по сию пору восхищают человечество.

Помню, как в детстве мой наставник, морской охотник дядя Кмоль, приучал меня относиться к труду как к необходимой и главнейшей части жизни. Не было назидательных речей, нравоучений о пользе трудовой деятельности. Он уходил в море на рассвете, а возвращался, когда в небе пролегали первые сполохи полярного сияния. Не всегда он возвращался с добычей, но я видел и чувствовал, каким уважением он пользовался среди односельчан, каким весомым и значительным было его слово. То был не только престиж профессии охотника, но престиж Человека, который относится к труду как к главному достоинству своей личности.

Социализм вернул труду его изначальную ценность именно как меру достоинства человека.

Мы живем в стране, где труд не только обычаями наших народов, всего социалистического общества возведен в ранг главной ценности каждого человека, но и закреплен в Основном Законе СССР, как завоевание социалистической революции. Это — определяющее право гражданина нашей страны, право на человеческое достоинство, на индивидуальность, на возможность проявления своих творческих способностей.

Я принадлежу к тому поколению советских людей, которые не помнят и не знают, что такое безработный в нашей стране. С безработными мне пришлось встречаться только в поездках за рубежи Советской страны. В прошлом году на Аляске, в Номе, в одном из баров, я встретил молодого эскимоса, бывшего жителя острова Кинг-Айленд в Беринговом проливе. Подсев к моему столику, он поинтересовался, кто я. И потом с горечью сказал:

— А я безработный...

В его голосе было столько безысходной тоски, что я растерялся: человек одет вполне прилично и видом своим не напоминал неимущего. Однако, заглянув в глаза, я увидел подлинное страдание, выражение потерянности.

Впоследствии, вспоминая этого парня, я понял: он был лишен главного — достоинства трудового человека, уверенного в своем предназначении, достойно занимающего свое место на земле.

Нет такого чувства, которое может сравниться с чувством человека, завершившего труд на благо людей! С чувством поднявшего целину и засеявшего ее семенами будущего урожая, воздвигнувшего электростанцию на таежной реке, построившего дом на вечной мерзлоте, вырастившего оленей в пуржистой тундре, создавшего произведение искусства, которое любимо народом...

Не оттого ли высшее отличие, которым отмечаются люди труда в нашей стране,— звание Героя Социалистического Труда! Среди удостоенных этого звания есть двое, которых я близко знаю. Один из них ленинградский рабочий Евгений Моряков, другой — оленевод Канчаланской тундры Иван Аренто. У них разная работа, но оба они дорожат главным своим достоинством — они люди труда.

Я еще раз возвращаюсь к своему детству и вспоминаю, что трудовое воспитание у нас не было забавой или приложением к школьным занятиям. Труд с самого первого дня, как мы к нему прикоснулись, был не игрой, а серьезным делом жизни. И отношение к нему было соответствующее.

«Когда говорят, что труд должен быть как праздник, — говорил мне Иван Аренто, — я этому не особенно верю. Труд есть труд, а праздник есть праздник. Не надо одно подменять другим. Скажу только вот что: без настоящего труда нет и настоящего праздника...» Слова чукотского оленевода своей народной мудростью перекликаются со ставшим крылатым выражением из книги Леонида Ильича Брежнева «Целина» — «Есть хлеб — будет и песня...».

Недавно советский народ избрал своих депутатов в Верховный Совет СССР. Перечитайте широко опубликованные списки народных избранников: это все люди труда! Им оказано доверие еще и потому, что все они — от пашни, от заводов и шахт, от научных лабораторий. В том числе и те, кто сегодня занимает место в правительстве, в Академии наук, в рядах командиров Вооруженных Сил. Все начинали с труда в цеху, в поле, на строительных лесах.

А каковы «избранники» в заморских странах? Известно, сколько нужно заплатить миллионов долларов, чтобы попасть в сенат. Например, республиканец Хелмс истратил шесть миллионов долларов. Побеждают на выборах не люди труда, а толстосумы, мастера рекламы, краснобаи.

Достоинство советского гражданина неразрывно связано с достоинством нашей Родины. В основе ее престижа не только успехи нашей внутренней и внешней политики, не только заводы и фабрики, электростанции, победы в освоении космоса, но и тот общественный климат, образ жизни, наш строй, без которых не может быть понятия — Советская Родина.

Именно поэтому каждый советский человек чувствует себя дома в Прибалтике и в Средней Азии, на Тюменском Севере и на Чукотке, в бухте Провидения и в горах Тянь-Шаня. Многонациональность — отличительная и привычная черта всякой большой стройки. Так было и есть на строительстве Братска и его ГЭС, в Нуреке, на БАМе, на Ямале, на Чукотке. Людей труда объединяет и возвышает труд!

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ • ОГОНЁК

СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В мастерской одного из старейших московских художников, Владимира Васильевича Воробьева, хранится созданный им графический портрет В. И. Ленина. В трагические январские дни 1924 года он был отпечатан в Симбирске и вместе с траурными выпусками местных газет «Красная жатва» и «Пролетарский путь» разослан по всем деревням и селам губернии.

...1918 год. На родину В. И. Ленина из Москвы по просьбе губкома партии для работы в отделе народного образования приезжают художники. Среди них — сын погибшего на баррикадах первой русской революции московского рабочего, выпускник Строгановского художественно - промышленного училища В. Воробьев.

Его часто видели с мольбертом на улицах Симбирска. И прежде всего в местах, связанных с именем Владимира Ильича. Рисунки и линогравюры В. Воробьева тех лет, хранящиеся в Ульяновском областном краеведческом музее и художественной галерее, отличаются строгой документальностью, достоверностью.

Старожилы показали В. Воробьеву дом на Московской улице, где семья Ульяновых жила в 1878—1887 годах. Теперь в нем располагалась коммуна. Художник вырезал на столешнице своего стола слова: «Здесь жил В. И. Ульянов-Ленин». Импровизированная мемориальная доска продержалась на фасаде дома с 1919 по 1926 год.

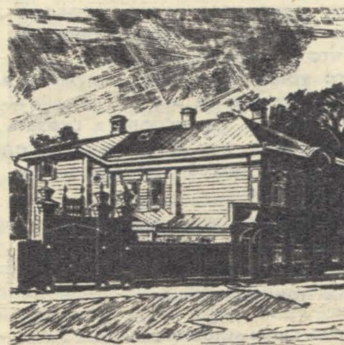
Владимир Васильевич сделал десятки рисунков этого исторического дома, произвел обмеры, начертил архитектурный план здания. Изготовленный по его чертежам макет дома Ульяновых был показан на первой промышленной выставке Симбирской губернии, посвященной третьей годовщине Великого Октября. В 1924 году земляки В. И. Ленина подарили этот макет Второму Всесоюзному съезду Советов.

В. Воробьев оформлял город к праздникам, делал плакаты для симбирских «Окон РОСТА», руководил изостудиями, учил самодеятельных художников. За восемь лет, проведенных на родине вождя социалистической революции, он выполнил для печати более трех тысяч линогравюр и в том числе — портрет В. И. Ленина, портреты членов семьи Ульяновых, пейзажи Симбирска первых лет Советской власти.

Тогда же В. Воробьев приступил к созданию альбома графических листов «Симбирск — родина В. И. Ленина», закончить который, к сожалению, не удалось: в 1926 году художника отозвали в Москву. Затем — работа в Госиздате, МОСХе, на выставке «Наши достижения» и Всесоюзной сельскохозяйственной, в армейской газете во время Великой Отечественной войны, проектирование музеев и выставок...

Через всю жизнь пронес Владимир Васильевич преданность ленинской теме, вписав в симбирский раздел Ленинианы яркие, интересные страницы.

Н. КЛЮХИН





Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса Дагестана

ДЕНЬ

Вот я снова в своем родном ауле Гиничутль. Здесь так считают: рано не встать, значит, отказать себе в чем-то большом, обделить себя. С детства я слышала поговорку: «Кто на заре встает, тому ярочка достается». И человеку, приехавшему из города, тут на заре спать почти невозможно из-за красоты рассвета: воздух от чистоты дрожит, обжигает своим запахом и свежестью, и вся природа — от тоненькой травинки до вершин громадных гор — словно встает на цыпочки и тянется навстречу свету. Но сегодня меня разбудил не рассвет, а ...кудахтанье кур, и, наспех одевшись, я выскочила во двор. Меня опередила родственница, Патимат, у которой я ночевала. «Это наша наседка. Вывела цыплят и потеряла покой. Видишь ли, кошка во двор выбежала, а она, бедная, испугалась за своих желторотиков и тебе спать не дала!» — как бы извиняясь передо мною, говорила Патимат. А я смотрела на белую крупную наседку, которая, растопырив крылья, прятала под ними своих многочисленных цыплят, похожих на желтые пуховые шарики. Они-то чувствовали себя весьма спокойно и уютно под материнским крылом, а сама наседка кричала, ругалась, ее длинный гребень стал бескровным, бледным. Глаза налились кровью, вот-вот выскочат из орбит. И, словно став на их защиту, вокруг бегали все куры, а петух, готовый на себя принять удар, стоял впереди всех и, подняв голову, смотрел, с какой стороны надвигалась опасность.

— Наседка твоя — мать, и она в тревоге за своих детей подняла нас! — сказала я. И подумала: «Наверное, любая мать на земле готова отдать свою жизнь, чтобы сохранить жизнь ребенка». Подумала и посмотрела на Патимат. Лицо ее было изборождено морщинами, волосы все седы, словно вершины гор бросили на них горсточку снега, потухающие глаза затуманились. Я поняла, о чем сейчас думает Патимат, и мне передалась ее печаль. Я стояла, не осмеливаясь ничего сказать, пока Патимат не вздохнула:

— Знаешь, когда мой Рахматуллах был маленьким, я боялась даже положить его в несогретую колыбель. Сперва клала туда кувшинчик с горячей водой, чтоб постель согрелась, а потом укладывала сына. Какой был мальчик, как он мечтал, как любил этот рассвет, как радовался весне, первому дождю, поре цветения и сенокоса, первому снегу — всему, что его окружало...

«А его убили на войне! — думала я.— И эти морщины Патимат и эта ее седина — от горя, от дум о сыне». Не успела я сказать Патимат слова утешения, как с крыльца соседнего дома донеслась нежная колыбельная песня — всех песен начало.

Беспомощный и махонький,
Со мною ты лежишь.
От пяточек до маковки
Ты мне принадлежишь.

Чудесно силы множатся —
Я чувствую сама.
Младенческая кожица
Свела меня с ума.

И градом ласки сыплются
На сына-малыша,
Вовеки не насытится
Тобой моя душа.

Дрожа щеками пышными,
Ты плачешь,
А потом
Потянешься за вишнями
Беззубым нежным ртом...

Я вышла на улицу, первую колыбельную заглушила вторая, третья. Они смешались в единую песнь, и мелодии были разные и слова, но в каждом голосе была гордость, радость материнства и тревога за детей.

Со двора чабана Омара вышла овца, а за ней трусил кудрявый ягненок. Увидев меня, овца остановилась, напрягая уши, посмотрела на меня и стала, прикрывая собой ягненка. «Не бойся, я тоже мать!» — шепнула я. Очень мне хотелось погладить этого кудряша, как в детстве, но я прошла мимо. У подножия горы, у реки, увидела еще одну мать: в голубизне наступающего рассвета, на фоне синих гор выделялась золотистая лошадь, первый луч солнца задержался на ней. Лошадь лизала маленького жеребенка. Когда я приблизилась, она в тревоге подняла голову и, вся натянутая как струна, была готова к защите. Я стояла и любовалась маленьким жеребенком. Нисколько не испугавшись, он доверчиво прижался к боку матери. Я подошла еще ближе, лошадь дважды ударила копытом о землю, словно предупреждая меня. «Не бойся, я тоже мать»,— шепнула я, но отойти у меня не хватало сил: уж больно красив был жеребенок.

Жеребенок красной масти,
Жеребенок красной масти
Обскакать желает целый свет.
Он с пометиной на лбу,
С белой звездочкой на лбу,
Видно, обронил ее рассвет.
Жеребенок красной масти
Хочет пищи, хочет счастья,
И покамест все ему легко...
И на шелковых губах,
Словно пена на волнах,
Светится парное молоко.

И казалось мне, что утренний мир становился еще яснее, светлее, река прозрачнее, так что все камушки на дне видны. Я, словно в песне, растворялась во всем этом, чувствуя пробуждение весны. Набухшие почки, робкая зелень на склонах гор, там, где подольше задерживается солнце, первые смелые разведчики весны — пчелы, искавшие себе работу, птица, что из-под моей ноги вырвала кусок глины для своего гнезда. Во всей природе чувствовалась не только одухотворенность пробуждения, но и еле уловимая тревога за все, что она рождала. И хлынули из сердца слова:

Я прежде думала:
Земля всегда беспечна,
Равно весной она и летом весела
И яркой осенью, чье платье безупречно,
И зимним днем, чья бурка так бела!

Теперь уверена:
Земля в любое время
Заботой трепетною не обделена,—
С тревогой вечною вынашивает семя,
Едва наступит новая весна.

А летом мается
В тоске неотвратимой:
Боится засухи и ливней затяжных,—
Ведь на груди своей лелеет хлеб родимый,
Как мы лелеем сыновей своих.

И ранней осенью
Испытывает муку:
Хорош ли хлеб ее, обрадует ли нас,
Мудра кормилица, а все-таки разлуку
С зерном переживает каждый раз.

А в пору зимнюю,
Укрывшись снегом плотно,
Тепло надеется сберечь своим корням.
Нет, никогда ей не живется беззаботно,
Как не живется беззаботно матерям!

Я шла по узкой горной тропинке и думала о материнстве: высшей доброте, благодати, которой одарила природа женщину. Вместе с материнством к женщине приходят самые прекрасные, возвышенные чувства. Она вдруг открывает для себя, что любит не только своих детей, но и детей вообще, и в сердце своем рождает столько нежных слов, что из них можно сложить песню. С материнством у женщины все ощущения обостряются, она заметит и малого муравья, тащащего яйцо, и сбережет его: все рождающее так близко ей, что и перед цветком дрогнет ее рука: «Пусть растет дитя земли!» Она поймет каждую мать, не только свою подругу, соседку по аулу, а и матерей всего мира. Она поймет, хоть рождена после войны, и горе тех матерей, у которых война отняла сыновей. Она чувствует в себе ответственность и за детей, еще не рожденных,— они должны приходить в светлый, тихий, безоблачный мир.

Нынешний, 1979 год объявлен Международным годом ребенка. Тем самым объявлен год добра. Год добра! А у нас в ауле, когда я еще была маленькая, перед Великой Отечественной войной был день добра.

Наши матери и бабушки с самой ранней поры вкладывали в нас зерна добрых чувств. Вот маленькой девочкой я сижу на белом крыльце, освещенном солнцем, бабушка заплетает мне мелкие косички из коротеньких моих волос и рассказывает:

— Кто посеет добро, тот его и пожнет. Если тебе некому сделать хорошее, то делай все равно и брось это хорошее в море, оттуда оно потом к тебе вернется.

— Как это, бабушка, бросить в море?

— Есть, внученька, такая легенда. Какой-то человек попал на остров, где, кроме него, никого не было. Искупался он в море и лег на берегу, а там много ракушек, выброшенных волною. Человек понял, что ракушкам не хотелось разлучаться с морем, и стал пригоршнями бросать их обратно. Говорят, прошли многие десятилетия, и когда в каком-то море стал тонуть потомок того человека, вдруг перед ним вырос остров, на котором обитали птицы и звери. Когда он, спасенный от смерти, удивился внезапному появлению острова, ему сказали: остров вырос потому, что твой предок в далекое время вернул в море ракушки... Если судьба не успеет вернуть то хорошее, что сделала ты, тебе самой, она вернет его детям и внукам твоим, умножив добро во много раз...

Эта легенда врезалась мне в сердце, я ночами просыпалась с мечтой попасть на берег моря и сделать добро ракушкам, чтобы они островом возвратились к моим потомкам...

Я часто в мыслях хожу от дома к дому в моем ауле, и все они дороги и близки мне. Почему? Потому что в моем ауле днем с фонарем ищи и не найдешь человека, которого

можно назвать плохим. Нет у нас человека, кто бы мог неприглядным поступком сделать кого-то своим врагом. Нет такого, кто бы украл или рассорил людей ядовитым своим языком. Задаю себе вопрос: «Почему все мои земляки выросли такими?» И отвечаю сама же: «Потому что их окружали только хорошие люди». Не знаю, когда и кому пришла в голову мысль объявить в ауле день добра, но соблюдали его как наивысший закон. В день добра, каждую пятницу, наша портниха Багисултан шила бесплатно, кузнец Хаждада чинил лопаты, кирки и другую утварь бесплатно, в мельнице мололи муку или льняной урбеч бесплатно. Причем к этому дню приурочивали работу для старых людей, у которых нет детей, или для сирот. У Багисултан на крыльце стояла большая плетеная корзина. Когда она отдавала заказчикам готовые вещи, то возвращала и мелкие остатки ткани, а люди, выходя из ее дома, бросали в эту корзину обрезки, кто сколько захочет. Багисултан с большим умением подгоняла обрезки, шила из них платья и рубашки и дарила сиротам и многодетным семьям. Другая женщина, Урунзаг, когда гнали осенью с гор овец на стрижку, проходила той дорогой и собирала целые мешки шерсти с колючек, с кустов, пряла ее, красила пряжу и вязала носки и варежки. И я износила не одно платье Багисултан с кармашками и оборками, не раз клала под подушку пестрые варежки и носки, связанные Урунзаг, и гладила их, просыпаясь по нескольку раз ночью. Разве когда-нибудь я забуду этих женщин? Разве могу я не мечтать о том, чтобы вернуть сторицей добро их детям или внукам?..

В нашем ауле в некоторых дворах были устроены жаровни, чтобы любой человек мог здесь в любое время пожарить зерно. И никогда в тех дворах не закрывались ворота, а жаровни были заботливо ухожены.

Когда приходила пора пахоты, жатвы или молотьбы, аульчане в день добра начинали работу на делянках бездетных стариков или осиротевших детей. Только закончив эту работу, приступали к своей. Каждый из односельчан в день добра сразу же после дойки крынками относил молоко тем, у кого коровы не было. Посылала и меня мать с крынкой, покрытой шапкой пены. Плотник Халид с утра до вечера ходил по домам, чинил окна и двери, забивал гвозди, а сапожник Убайдат задаром чинил и шил обувь. Словом, все аульчане от малых до старых делали друг другу добро. Делали от души, с любовью. Кому-то может показаться, что все это мелочи по сравнению с большими делами. Вовсе нет. Всякое большое дело состоит из множества мелких, как стена из множества камней. И ведь красота и ровность стены могут пострадать, если в ряд попадет хоть один неровный, щербатый камень.

А когда солнце в день добра клонилось к закату, мои односельчане выходили всем аулом из дворов, очищали дно родников, выбрасывали чьей-то неосторожной рукой брошенные камни, углубляли родники. Поливали и окучивали деревья, очищали дороги и тропинки от камней, чтобы человек не споткнулся. Так взрослые прививали нам, детям, любовь к природе, сближали нас с землею.

Помню свой аул во время войны, когда день добра перестал уже быть одним днем, а растянулся на целые месяцы, на годы,— до нашей победы над самым великим злом — фашизмом.

Уже и портниха Багисултан не для сирот подбирала лоскутки, а для воинов шила фуфайки, а Урунзаг и другие женщины вязали для тех же воинов носки и варежки. Все кусочки доброты, до войны казавшиеся маленькими, соединились теперь в одно целое, большое, и это целое было направлено на единую цель — для фронта, для победы. В школе у нас не хватало чернил и, конечно, зимой бывало очень холодно. Старый Тажудин раз в неделю приносил нам бутылку чернил, которые сам делал из ячменя, а нам говорил: «Вот опять вам прислали из Москвы». Так он не только давал нам возможность писать, но и воспитывал в нас любовь к Родине, воспитывал чувство ответственности за свои дела. Если чернила нам посылают из самой Москвы, разве мы имели право плохо учиться? А Патимат в перемены часто приносила горячую вареную картошку и клала ее на озябшие ладони школьников, чтобы согреть нас. Разве это тепло кто-нибудь из нас выпустит из души? Нет! Мы несем его в себе, как и прежде... И еще вспоминаю я нашу родственницу, Равзат, простую, неграмотную женщину. Всю жизнь она работала уборщицей в школе, а в выходные дни отправлялась за горы — добывала белую глину, которой в горах белят дома, и меняла ее на фрукты, чтобы потом раздать их сиротам. Ее дочка, Патимат, оставшись молодой вдовой с двумя мальчишками на руках, в военные годы работала в колхозе и получала на трудодни немного зерна. И Равзат приглашала нас к себе в дом, жарила на сковороде ячмень (если больше ничего не было), растирала его ладонями, сдувала шелуху и угощала нас. И сейчас я вижу ее потрескавшиеся, черные, бугристые от мозолей руки. Как они были щедры, эти руки! А лицо ее так и сияло от радости, будто она одаряла нас не меркой ячменя, а целым миром...

Вот вспомнила я Равзат, и тут же еще раз пришла мне на память бабушка. Как она приучала внуков к трудолюбию! Когда я была совсем маленькой, бабушка шила мне платья, но в один прекрасный день она дала мне скромную материю и сказала: «Теперь ты сама должна сшить платье, и если будешь трудиться упорно, настойчиво и сошьешь себе хороший наряд, то в кармане его найдешь золотую иголку, которая потом всю жизнь тебя не подведет». Я шила, старалась, а бабушка заставляла меня по нескольку раз распарывать готовое. Я мучилась, плакала, но бабушка была неумолима, придиралась к каждому шву: «Никто у тебя не спросит, сколько времени ушло на это платье, а спросят только: кто шил? Твоя работа — это твое лицо и твое будущее». И в один летний день, уже потеряв всякую надежду найти в кармане сшитого мною платья золотую волшебную иголку, я вдруг ее нашла. Не знаю, как умудрилась бабушка изменить цвет иглы, но она действительно была золотистой. Только вскоре та иголка, что должна была всю жизнь приносить мне удачу, потерялась, и бабушка, увидев мои слезы, сказала: «Не плачь, она не была золотой, золотая иголка — это то, что я научила тебя упорно трудиться, терпеливо работать. Трудолюбие тебя никогда не подведет и поднимет на достойное место. Вот эту золотую иголку не теряй никогда и передай ее своим детям. Если бы я сама все время шила тебе платья, это было бы только полдобра, а я научила добру тебя, и его хватит на всю твою жизнь».

Портнихой я не стала, но упорство и терпение помогали мне на каждом шагу, и когда я билась, изучая алфавит от «А» до «Я», и когда, почти не зная русского языка, оказалась в Литературном институте имени Горького рядом с людьми, которые были образцом высокой культуры. И, главное, бабушкина золотая иголка помогает, мне приходится искать ту единственную строчку, которая откроет читателю сердце писателя... Вот эта золотая иголка трудолюбия, упорства и помогла советским людям превратить нашу страну в могучую державу и остановить бешеное шествие фашизма по земле.

Вторая мировая война отняла детство у миллионов детей. Разве могли сироты в полной мере чувствовать жизнь? Разве им не грезилось, что когда-нибудь появится на пороге отец-герой и поднимет сына на своих могучих руках высоко над головой? И разве сейчас на душе каждого из нас не становится светлее, когда мы, идя по улице, видим счастливого ребенка, играющего со своими родителями — с отцом и матерью?

Да, у человека, привыкшего творить добро, на первом месте любовь к нему, именно доброе защитит такой человек в первую очередь. Вот это и побудило советского солдата во время войны сказать себе: «Мой дом уже свободен, теперь я должен позаботиться о соседях». Привычка делать добро повела советских воинов освобождать затоптанные фашистским сапогом страны Европы. И самое высшее добро — это добро мудрой ленинской миролюбивой политики, благодаря которой вот уже более тридцати четырех лет светится над землею ясное небо, мир без больших войн. Тридцать четыре года великого добра. Внешняя политика Советского Союза направлена на это, и новая Конституция обязывает каждого советского гражданина быть борцом за мир, а значит, быть предельно добрым на всю жизнь.

И сейчас, в нынешнее время, не только в моем родном ауле, но и во многих высокогорных селениях республики я в каждом доме встречаюсь с днем добра.

...Год ребенка! Сколько их, счастливых детей, видела я, пускаясь в путь из маленького моего горного аула по городам и селам страны Советской и других социалистических стран. Чтобы увидеть ребячью радость, нужно просто войти в ясли, детсады, школы, спортивные залы, музыкальные училища или прогуляться по скверам и паркам. Но это в мире социализма. А сколько несчастных, голодных, осиротевших, измученных непосильным трудом ребятишек я видела в капиталистических странах, где мне приходилось бывать. И каждый раз, когда я вспоминаю эти встречи с обездоленными детьми, сердце разрывается на части. Разве мать, как бы ни были счастливы ее дети и дети ее страны, может быть спокойна, когда она знает, что где-то еще стреляют, убивают,— ведь каждая пуля несет с собою сиротство...

Мы, матери, считаем, что Год ребенка прежде всего должен быть овеян мирной тишиной.

И год этот, я верю, повлечет за собою многие годы человеколюбия, гуманизма, чтобы под мирным небом мы воспитывали в наших детях тягу к добру и трудолюбие, чтобы мы вручили нашим детям волшебную золотую иголку, которая приведет их к наивысшей цели — строить, созидать, беречь и защищать все гуманное, человечное на земле. И тогда мы увидим, как сплетутся руки всех детей мира в радостном хороводе.

Миру объявить бы век добра — век созидательного, преобразующего труда человечества, растящего счастливых детей.

ДОБРА



МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

МОЛОДОСТЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ



Александр Жаров принадлежит к тому романтическому поколению, лучшие представители которого осенью двадцатого года видели и слышали В. И. Ленина на III съезде РКСМ. Поэма «Гармонь», созданная двадцатидвухлетним поэтом, а также его поэмы военного времени «Богатырь», «Керим», «Борис Сафонов», песни «Заветный камень», «Грустные ивы», «Ходили мы походами», «Мы за мир» и другие произведения полюбились миллионам советских людей.

— Я в своем солидном возрасте стремлюсь работать так же четко и оперативно, как в молодости. Работу свою считаю партийно-поэтической, о чем я говорил еще на Первом съезде писателей. Стараюсь быть полезным времени: пишу стихи, подписи под плакатами художников, выступаю по радио и телевидению. Продолжаю ездить по стране...

В Переделкине, под Москвой, мы беседуем с известным советским поэтом Александром Жаровым, который в этом месяце отмечает свое семидесятипятилетие. На столе поздравительные письма и телеграммы, вырезки из газет, поэтические сборники. Александр Алексеевич берет в руки красную книжицу, на которой вытиснено: «Почетный ветеран завода».

— Этот мандат не так давно мне вручили на Первом Государственном подшипниковом заводе, с коллективом которого вот уже полвека я дружу. И сегодня в юбилейные дни приятно вспомнить, как в далекую пору пришли мы с Александром Безыменским на завод, который еще строился. Рылись котлованы, возводились цеха, а мы рядом с молодежью, с рабочим людом. Как романтично сегодня звучат простые слова: первый пятилетний план, пятилетка. Радостно, что я связан дружбой с гигантом первых индустриальных лет нашей страны, о котором тогда мы пели: «Без шарика-подшипника машина не пойдет». И завод в короткий срок дал эти «шарики», и двинулись в путь первые советские автомобили, взлетели в воздух первые отечественные самолеты. Мы, молодые поэты, писали о заводе, выпускали в его цехах стенгазеты, многотиражку, листовки, сочиняли задорные песни. Да и теперь связь со ставшим родным уже мне заводом не ослабевает: совсем недавно здесь была выставка политического плаката, которую мы организовали вместе с Борисом Ефимовым.

— Александр Алексеевич, вы автор пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи», который вы написали практически мальчиком. Когда же вы начали, если в семнадцать лет были уже знаменитым поэтом?

— Да, моя юность совпала с юностью нашей страны, и тогда все было молодым: планы, дела, мечты, люди. В партию я вступил в шестнадцать лет, а еще в пятнадцать работал секретарем Можайского укома комсомола. Стихи писать тогда было некогда, а хотелось, ох как хотелось! Вот и кропал в свободную минуту — ведь в те грозные годы можайские комсомольцы все митинги и собрания завершали стихами. Не только своими — читали «Двенадцать» Блока, «Левый марш» Маяковского. Так вот, кажется, в конце восемнадцатого года прочитал я в разделе «Почтовый ящик» газеты «Беднота» «послание» в мой адрес: «Ваши стихи не пойдут. Пишите еще». Спустя восемь лет встречаюсь в «Правде» с Демьяном Бедным, и выясняется: это он тогда ответил мне на мои первые стихотворные опыты. «Что же означал, — спросил я, — такой двусмысленный ответ?» «То, что вы можете писать такие стихи, которые пойдут»,— ответил он. А в 1921 году я занимался в поэтическом семинаре Брюсова. Так что, пожалуй, он был первым моим учителем по «технической» части. Брюсов давал задания писать на свободные темы, наиболее нас волнующие. И вот на одном из занятий, когда юные поэты и поэтессы читали стихи о королях и принцах, о неведомых японских островах, я прочитал только что написанные стихи о голоде в Поволжье. Ведь это было страшное время, и Брюсов сказал тогда на разборе: «У некоторых работы выполнены, быть может, мастеровитей и глаже. Но поэт среди вас один». И назвал мое имя.

А чуть позднее, когда вышла первая моя книга «Слово о Поволжье», Анатолий Васильевич Луначарский написал о ней теплые слова. Впрочем, это уже, как говорится, мемуары. Кстати, сейчас я занят подготовкой к изданию трехтомника сочинений. Так вот, в третий том войдут воспоминания о выступлении В. И. Ленина на Третьем съезде комсомола, о Куйбышеве, Фурманове, Луначарском, Горьком, Маяковском, Есенине, Шолохове.

О той далекой поре много можно вспоминать, и все будет интересно. Мне посчастливилось, к примеру, быть у самого истока творчества Кукрыниксов, когда они году в двадцать пятом, студентами ВХУТЕМАСа, пришли ко мне в редакцию и предложили свои услуги. «В чем? — спрашиваю их.— Ведь наш журнал не иллюстрированный». А они: «А вы сделайте его иллюстрированным. Мы шаржами поможем». Я тогда и представления четкого не имел, что такое шаржи, и говорю им: сейчас придет поэт Безыменский, нарисуйте его. Пришел Безыменский, трое моих гостей взяли карандаши и через пять минут изобразили Сашу. И как изобразили! Вся редакция хохотала. Вот и пришлось ребятам выдать первый гонорар и сделать их постоянными нашими авторами.

— Александр Алексеевич, оглядывая сегодня весь ваш долгий творческий путь, что бы вы сами выделили в нем главное, важное для вас?

— Лучшим и главным своим считаю то, что считают читатели. Им виднее. И еще один критерий — испытание временем. Когда в прошлом году к 60-летию комсомола вышла новым изданием моя «Гармонь», душа радовалась, это была лучшая оценка всей моей работе в литературе.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

■

— Много ли в нашем городе людей по фамилии Весна?

— Это как считать, — ответили нам в Киевском адресном бюро. — Вот Шевченко восемнадцать тысяч, Кравченко — шестнадцать. А Весна...

Среди нескольких миллионов адресных карточек, заведенных здесь на совершеннолетних граждан Киева и Киевской области, всего лишь двадцать, чья фамилия Весна. Есть Александр Весна, Мария Весна и даже Майя Весна.

На эту красивую фамилию мужчинам повезло больше, их двенадцать, женщин только восемь, а в самом Киеве — и того меньше. Мы взяли несколько адресов и поинтересовались, как встречают нынешний май женщины с такой, можно сказать, созвучной поре фамилией?

Самая юная из совершеннолетних киевских Весен — Галина Владимировна. Она не так давно родила дочку, Олю. Молодой маме двадцать один год, работает лаборантом в Киевском университете. Сейчас ее главная забота и радость — о чем не трудно догадаться — дочка. Оля Весна встречает первый в своей жизни май, ей еще предстоит в этом году сделать свой первый шаг (а маме его увидеть, что не менее интересно), предстоит сказать первые слова... А свою первую улыбку она уже подарила маме. Согласитесь, что лучший праздничный подарок трудно придумать, особенно в ее возрасте.

...На Выставке передового опыта народного хозяйства Украины в павильоне зерна старшим агрономом работает Валентина Яковлевна Весна. Ее профессия и фамилия чем-то неуловимо связаны. В эту пору у нее особенно много забот. Хлеборобы республики в прошлом году собрали рекордный урожай зерна — 50,6 миллиона тонн! Многие районы, колхозы и отдельные бригады вырастили и убрали по 40, 50 и даже 60 центнеров пшеницы, по 100 центнеров кукурузы с гектара. В течение зимы изучался и обобщался их опыт, перестраивалась экспозиция павильона. Много экскурсий со всех концов республики с интересом изучают пути, по которым шли к успеху лучшие из лучших. Их провожатый и советчик — Валентина Яковлевна Весна.

Немало у нее предпраздничных хлопот и дома. Но там есть хорошие помощники — и муж Александр Николаевич и пятилетняя дочка Таня, которая уже «большая», потому что ей случается быть нянькой двухлетнего Саши. Валентина Яковлевна утверждает, что самое радостное в любом празднике — это подготовка к нему.

Несколько иное мнение на этот счет у Галины Ивановны Весны, преподавательницы пятой музыкальной школы. Вот уже третий десяток лет учит детей музыке. Когда приходишь к ней в школу, то кажется, будто бы попадаешь в музыкальную шкатулку огромных размеров: за одной дверью дудело, за другой звенело и тренькало, за третьей пиликало...

— Готовимся к празднику, — с улыбкой сказала Галина Ивановна.— Каждый отдел репетирует свою концертную программу и получает огромное удовольствие от праздничных выступлений. Для меня, как и для моих коллег,



«Весенняя почта самая обильная!»— утверждает экспедитор 133-го киевского почтового отделения Алла Дмитриевна Весна.



У маленькой киевлянки Оли Весны нынешняя весна — первая. И, кажется, она ей нравится, как и ее маме, Галине Владимировне.



Занятия по музыке ведет Галина Ивановна Весна. Неудивительно, что у ребят весеннее настроение!



А Валентина Яковлевна Весна имеет к весне самое прямое отношение, она старший агроном павильона «Зерно» ВДНХ УССР.

ИНТЕРВЬЮ У ВЕСНЫ

каждый такой концерт — это еще и радостный итог работы. В майские праздники у наших учеников много выступлений. Но особое место среди них занимает большая концертная программа в госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны. Это стало традицией. Для нас, людей старшего поколения, такие концерты всегда связаны с волнующими воспоминаниями.

Сын и муж Галины Ивановны Весны — инженеры, оба любят музыку. Когда вся семья собирается дома, сын садится за пианино.

На вопрос, какая из весен наиболее запомнилась ей, она ответила:

— Давайте я лучше вспомню про зиму — нынешнюю. Мне недавно присвоили звание заслуженного работника культуры УССР, и сейчас эта самая памятная для меня радость.

...И вот еще одна встреча с Весной. Алла Дмитриевна Весна работает в отделении связи. В пору майских праздников ей больше всего нравились военные парады. Десять лет она работала на Главпочтамте (а в Киеве все парады проходят перед его окнами), и Алла Дмитриевна ни разу не упустила возможность полюбоваться красочным, впечатляющим зрелищем военного парада. У нее и муж — человек военный. А последние восемь лет Алла Дмитриевна работает экспедитором в 133-м отделении связи.

Нынешний май несет ей много хлопот и много радости. Старшая дочь кончает десятый класс, младшая — начальную школу. По праздникам у них в доме всегда бывает много гостей, и проходят эти дни интересно и весело.



Аддис-Абеба, март 1979 года.

Муин **БСИСУ**,
палестинский поэт

НЕФЕРТИТИ

Вот конь морской встает из бездны вод
С солдатской каской, на крыле висящей.
Она слетает на берег и мрачно
Блестит, словно заброшенная лодка...
Большая пирамида — не отель,
А древний сфинкс — не клерк
бюро прогнозов,
Не бодрый диктор теленовостей,
Не лжепоэт, доход нашедший в рифме...
Мне видится в забвенье вечный Нил...
В станок печатный собственное тело
Я превратил.
Огромными часами,
Курантами над площадью я стал,
Что воспарили птицею свободной
И сыпали листовки на Каир.
О Нефертити,
Ты — как вечный лидер партии своей!
Войди в меня,
Пройди сквозь клетку ребер,
Нефертити,
И возвратись, неся Египта сердце,—
Цветок жасмина, выросший в ладье.
Я — дерево, вернувшееся к свету
От берегов пустынных пепелищ.
Я — дождь, что лил на головы казнимых,
И веслами я был,
А стал бумагой,
В станок печатный тело превратив.
О ласточка!
Ты будешь петь иль сгинешь?

●

Морская чайка, с лотоса взлетев,
Уходит ввысь
И держит в клюве кольца,
Бросая их на лодки бунтарей.
Рабочие в гудящем Хелуане
И докеры причалов Порт-Саида,
И солнце — большеглазая газель,
Что поит молоком Александрию,
И все невесты Нила, прячась в лодках,
Гранаты для восстанья мастерят.
Живой Гамаль выходит из могилы,
И Нил тогда становится винтовкой,
И окна все листовками пестрят.
Вот сейчас, сейчас
Из каждого цветка, из зоба птицы,
Из наскоро засыпанных могил
Солдаты выйдут.
Эй, парашютисты, скорей сюда,
Вот это — Абедин и Нил вокруг него,
Скорей спускайтесь,
Подобно лодкам, на речную гладь...
Лицо мое всплывает к дальним звездам,
Я странствую в серебряной пыли,
И странницей в моей крови горячей
Все бродит Нефертити...

Я сейчас стою на древних улицах Каира.
Та улица, где слышен волчий вой,
Чужая для меня,
И эта, где вы продаете дешево,
как спички,
Натруженные пальчики детей,
Чужая для меня.
И мне чужда
Та, на которой продают газеты,
Где строки, как оскаленные зубы,
И где колонка каждая грозит
Дубинкой полицейского. И здесь,
В Хан аль-Халили, где торгуют сердцем
Египта, словно сорванным кольцом
С ноги погибшей в заточенье птицы,
И там, где словно гроздья винограда,
Вы вывесили слезы на продажу,—
Те улицы чужие,
Не мои.

Египет!
Я — Иосиф в заточенье,
Как в заточенье пальма и фонтан,
Закрученный в тюремную веревку.
А Нил, текущий по лицу, остер,
Как лезвие меча.
Далеко Хайфа!
О, как далеко Хайфа!
Дай же мне
Ладонь твою, как зеркало.
Я вижу, как молния на голосе моем,
На ранах и на имени застыла.
И поднимаюсь, поднимаюсь я...

Я собеседник древнего Египта,
Стоящий на скале сопротивленья.
Зови меня
И знай, что это имя
Осуждено неправедным судом.
Веками Нил на согнутой спине
Несет богов, пророков, пирамиды
И королей,
Несет, несет без стонов.
Но Нил сказал:
— Все это не мое —
Ни улицы, ни лживые газеты.

●

Я видел хлеб на спинах бедняков —
Вот улица моя,
И Шейх Имам с расщепленною пулями
гитарой
Поет, не сдавшись:
— Камера моя,
О ярость, что в груди моей клокочет,
О дом любимой, о година зла,
Окно мое, мой ненавистный саван,
О родина,
О родина моя!
Египет мой!
Ты сердце за гроши
Закладываешь жадным иноземцам
И руки, как подсвечники, сбываешь.
Я видел — Нил лежал куском железа
На гулкой наковальне кузнеца.
И молот бил,
И разливался Нил
От тяжких нескончаемых ударов.
Я видел, как носил Фарид Хаддад
Песок в мешках, чтоб строить баррикаду.
Я слышал песни Сайида Дервиша,
Того, кто мир на звуки расплескал.
Египет видел я в песках Синая,
Как крохотную баночку сурьмы,
Он изломал и лозы винограда
И стебли ржи,
Он плачет, отмывая
От порыжевшей крови гильотину.
О девушка Египта, как красив
Платок твой, отражая воды Нила!
О девушка Египта, как красив
Тот голубь, словно родинка на коже.
О, как красива мумия в гробу,
Бессмертная, отвергнувшая тленье...
В ветвях колючих птицы гнезда вьют
Для ангелов, как облако ранимых.
И камфарное дерево,
И дерево граната,
И газеты на черных стенах,
И цветущий лотос,
Что кормит воробьев и белых чаек,
И камфарное дерево,
И сотни тащящихся до срока деревень,
И тысячи подпольных комитетов,
И каждое весло, кольцо, аптека,
И древний лист папируса —
Все ждут
Рождения египетской поэмы,
Написанной винтовкой и свинцом!

Перевел с арабского
Сергей ГОЛУБЕВ.



«ЦИНЯ» ЗНАЧИТ «БОРЬБА»

Эта газета выходила в Риге и Петрограде, Брюсселе и Бостоне, Кирове и Москве. В годы буржуазной диктатуры в Латвии центральный орган латышских коммунистов выпускался и распространялся в условиях подполья. Долгий и славный путь прошла газета «Циня» («Борьба»), 75-летие которой торжественно отметили трудящиеся Советской Латвии.

Бесконечно дорогая страница в летописи газеты — участие в ее деятельности В. И. Ленина. В 1910 году Владимир Ильич написал специальную статью для сотого номера «Цини», в которой высоко оценил роль латышского пролетариата в борьбе против самодержавия, реакционных сил старого строя. На страницах «Цини» впервые была опубликована работа В. И. Ленина «О задачах пролетариата в современный момент буржуазно-демократической революции».

На протяжении всей своей истории «Циня» всегда оставалась острым оружием пролетариата Латвии, боевым помощником латышских коммунистов.

Газета и сегодня — на переднем крае борьбы за осуществление ленинской политики нашей партии, исторических задач, поставленных XXV съездом КПСС.

А. ГРЕЧУХИН

На снимке: торжественное заседание, посвященное юбилею газеты, в новом Доме печати в Риге.

Фото автора

ОТ ПЕРВОЙ ДО ДЕСЯТОЙ...

Н. ХРАБРОВА,

фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Их ишаки шли рядом. Бабушка подремывала от зноя, Курбан смотрел вперед — туда, где, выискивая на такыре травинки, бродило стадо. Пастух опустил на палку руки и голову в тяжелом тельпеке. Спал стоя, привычно.

От присутствия пастуха и стада пески в глазах Курбана сразу ожили. И в нем самом в эту минуту тоже что-то изменилось, что-то утвердилось. Может быть, проснулось простое ощущение прелести жизни. Может быть, сложное чувство родины. Теперь как объяснишь смутные воспоминания детства... Только все вместе как бы остановилось на мгновение и запомнилось на всю жизнь.

Он вздрогнул от прикосновения бабушкиной руки:

— Кем ты хочешь стать, сынок?

— Я? Пастухом.

— Иншалла, иншалла,— пошептала бабушка, что примерно обозначает «если судьбе будет угодно», и сказала настойчиво: — Вырастешь — не забудь об этом. Знаешь, как говорят кумли[1]: «Если трава у нас будет ростом с ресничку, мы всегда будем сыты».

Так рассказал нам об истоках своей профессии Курбан Ходжакурбанов, главный зоотехник совхоза «Путь ленинизма».

— И коли мы уж заговорили об этом, скажу: моя профессия необычна, потому что с необычными стадами имею дело. Наших овец, коров, верблюдов уважать надо. Понаблюдайте, как они усердно трудятся в поисках травы ростом с ресничку. Много лет прошло с того дня, когда бабушка сказала мне о цене травы в пустыне. О цене воды не надо и говорить. Понимаете? Овцы сараджинской породы были выведены в Туркмении еще до революции, их могли держать только баи на пастбищах с колодцами. Теперь эта порода широко распространилась, и от достатка воды овцы стали более плодовитыми, их шерсть удлинилась, а вес с 42 килограммов увеличился у нас в песках до 56—58 килограммов.

Мы с Курбаном ехали в Каракумы. Было пасмурно, ночью, к большой радости Курбана, прошел дождь, песок дороги отяжелел и был ярко-оранжевым. Курбан рассказывал, что чабаны теперь стали очень серьезно относиться к охране окружающей среды и берегут саксаульники. Я твердила про себя только что прочитанные стихи Атакопека Мергенова:

Не спеши говорить, что видал Каракумы,
Если в жизни ни разу полночной порой
Потерявшие сон, загрустившие думы
В Каракумы тебя не вели за собой...

[1] Люди, живущие в песках.

Я была в Каракумах десять лет назад, на нефтепромыслах. Говорят, люди надолго заболевают пустыней. Мои полночные думы не раз блуждали в ней... Тогда тоже была весна и ветер, барханы курились, как сугробы, окутывая буровые желтой дымкой. Теперь я въезжала в Каракумы с противоположной стороны. Пустыня была покрыта крохотной травкой. Мир был сизо-зеленым, с оранжевой полосой дороги. Но стоило оглянуться, как все менялось — на горизонте гряда Копетдага сияла такой глубочайшей синевой, что путала все цвета земли и неба: тучи казались сиреневыми, а ежи черкеза фиолетовыми. Словно кусок неведомой планеты опустился на нашу Землю и за тысячу лет так и не принял ее облика. И вдруг наш «газик» повернул за бархан и пошел ровненько... вдоль арыка!

— Водовод от канала тянем на пастбища,— сказал Курбан.— Совсем противоречиво звучит: пастбища в песках, вода в пустыне. Но это так.

Мне вспомнились другие края, другие люди. Эстонский писатель Леннарт Мери в книге «Мост в белое безмолвие» пишет о своем соотечественнике Аугусте Маазике, укреплявшем в Заполярье в годы первой пятилетки молодую Советскую власть:

«— В бога не верю. Верю в пятилетку. Разве я не говорил, что я большевик?»

На всех широтах огромной страны большевики меняли жизнь. Возвращали народам то, что должно было им принадлежать.

Ата Чарыевич Чарыев, начальник Главкаракумстроя, показал мне редкую книгу, добытую им в Ленинской библиотеке и скопированную на «Эре»: «Орошение в долине Мургаба и Мургабское государево имение. Автор — инженер-строитель Барц, СПБ, 1910 год».

— Мургабское государево имение?!— изумилась я.

— И еще какое,— улыбнулся Ата Чарыевич.— Помещик Николай Романов выращивал здесь хлопок. Но дело не в Николае Романове. В этом имении на реке Мургаб тогда было построено пять водохранилищ емкостью в триста пятьдесят миллионов кубов и гидроинженерные сооружения — плотина, электростанция и линия ЛЭП до Байрам-Али. Забудем про Николая. А вот имена русских инженеров, создавших все это, каждый уважающий себя туркменский гидростроитель должен помнить всегда: Андреев, Валуев, Поклевский, Толстов. Мы все учились на Гиндукушской плотине и благодарны русской науке и русскому таланту. Теперь эта система работает на Каракумский канал. Мы, в самом недавнем прошлом кочевники и пастухи, научились мыслить инженерно.

Гиндукушская плотина, конечно, единственная в своем роде, так же как и оазис вокруг нее. Другие, баям принадлежавшие оазисы, были подобны маленьким зеленым камушкам в безграничности желтых песков. А всему остальному кочевому народу принадлежала вся остальная Туркмения: миллионы и миллионы гектаров одной из величайших и безводнейших пустынь мира...

После Октябрьской революции и гражданской войны, когда было проведено размежевание, сразу встала задача орошения земель. Еще один русский талант — инженер-ирригатор Ф. П. Моргуненков предложил проект орошения Каракумов. Соединив достижения русской и советской науки и давние мечты туркменов, он предложил начать канал в среднем течении Амударьи, пропустить воду по старому руслу Келифского Узбоя и в дальнейшем, продолжая канал, соединить эту систему с водными системами Мервского и Тедженского оазисов. Будущее русло исследовал и проектировал первый туркменский инженер-гидролог Караш Йомудский. 8 марта 1926 года местные крестьяне и кочевники-кумли прорыли Келифский сброс и открыли Амударье путь в Каракумы. В 1929 году — в начальном году первой пятилетки — строительство Босага-Керкинского канала было завершено.

Это было пробой сил первостроителей Каракумканала. Пятилетки взбудоражили, разворошили давний сон Средней Азии. Незабываемы эти годы духовного взлета, время утоления многовековой жажды. Сначала перестраивались, обновлялись старые, байских времен, оросительные системы. Потом народы Средней Азии поднялись, сплотились и вышли на подвиг во имя своей судьбы и свободы, во имя будущего.

Да, подвиг. Как иначе назовешь строительство Большого Ферганского канала? Сто шестьдесят тысяч узбекских колхозников прорыли эту реку длиной 270 километров за сорок пять дней! У них не было почти никаких механизмов, кроме лопаты да кетменя. Публикуемые в этом номере фотографии Макса Альперта остались для потомков свидетельством героического труда, ставшего подвигом. Ведь пятилетки не только родили идею народных строек и принесли советским республикам Средней Азии богатство и культуру, но и оставили память о праздниках Первой Воды, когда строители, их жены, дети и даже почтенные аксакалы бежали за струей, рвущейся в раскаленную пустыню.

Какая весна царит сейчас на бывших песках и такырах! Весна, рожденная первыми пятилетками. Весна, рождающаяся сегодня.

В кабинете Ата Чарыевича Чарыева висит схема — по желтому фону, словно молодая виноградная лоза, изгибается голубая линия с красными ответвлениями, с зелеными листьями и гроздьями по всему стволу. Таким увиделся мне на схеме Каракумский канал имени В. И. Ленина. Теперь длина канала с водой составляет 1002 километра: в дни, когда мы были в Каракумах, вода пришла в городок Кизыл-Арват. Разветвившись в Казанджике, канал направится в Небит-Даг и Красноводск. Он пройдет через Мешед-Мисрианское плато, через плодородные, но давно иссохшие земли древнего орошения, и вновь оживит их. Оживит так же, как оживил земли сухой и пустынной Гяурской долины.

— С самого детства помню эту долину,— рассказывал нам один из немногих здешних старожилов, чабан Реджеп Атачарыев,— тут отец мой и деды пасли скот, и я занимался этим всю жизнь. Люблю пески... Свобода, солнце. Теперь еще люблю вдвое — вода! Сколько хочешь воды теперь — арык в песках, если дальше угоню овец — водовозка привезет. Поселки? Нет, раньше не могло их быть. Люди оседают там, где вода. Раньше тут никогда ничего не было. Верблюжья колючка. Теперь — дома, сады, машины. Я на мотоцикле вокруг стада по пустыне езжу.

Одни только заросли верблюжьей колючки покрывали Гяурскую долину. И тысячу, и сто, и восемнадцать лет назад. Пока не дошел сюда Каракумканал. На 825-м километре стали строить плодовый совхоз, на 840-м — хлопководческий «Путь ленинизма». Отводили от канала новые русла — арыки. На выделенных для поселков местах строили кирпичные двухквартирные дома. И тогда хлынули в Гяурскую долину измученные безводьем люди.

— Я приехал из Красноводской области,— говорил Давлетмурад Аббасов.— Мы знали, что вода и к нам придет, но сил не было ждать. Я хотел жить в целинном совхозе, потому что там земли много, воды много, работы много. Сначала я поливал поля, теперь

РАДУГИ КУМЛИ



Такой была земля пустыни в пору первых пятилеток.

Фото М. Альперта

И тогда на этой земле началась великая стройка — стройка Большого Ферганского канала.



стал бригадиром сада. Сливы уже отцвели, сейчас абрикосы, персики, яблони цветут. Ай, красиво — да? Кто посадит на земле такой сад, разве захочет жить среди черкеза да колючки?

Было действительно красиво — радугой упали на возрожденные земли кочевников-кумли новые краски: бирюзовая влага водохранилищ, бело-розовый цвет садов, яркие наряды людей, вышедших на работу, словно на праздник,— так проходят субботники в Каракумах.

Ниже садов, полого спускаясь к пустыне, лежат поля, полосатые от поливов. Поливальщики Чары Овезмамедов и Чолук Сараджаев открывают дорогу воде. Она, еще бурлящая от бега, еще бурая от глины, раздробленная на ручейки, врывается в бороздки полей и успокоенно струится по ним, словно понимает: дошла до цели...

У обоих поливальщиков среднее образование, к тому же перед каждым поливом они занимаются на семинарах. Бригадир участка Хошмурад Чарыев и главный агроном Кара Сапаров — их теперь, наверное, уже не назовешь людьми песков, скорее, людьми воды: они здесь, потому что канал здесь. Оба совсем молоды, но если мерить мерою освоения целины — уже бывалые специалисты, работают в поле с семнадцати лет. Работая, учатся: главный агроном заочно окончил Ашхабадский сельскохозяйственный институт, бригадир учится на четвертом курсе. Главный агроном и бригадир пристально следят за полем, оно особое: испытанное сначала ячменем, потом кукурузой, оно дает высокие урожаи и теперь засевается высокоурожайным сортом хлопка АШ-25. Этот сорт здесь приносит урожай в три раза больший, чем в среднем по совхозу.

— А остальные поля? — спрашиваю у Кары Сапарова.

— Все — на бывших такырах, все будут плодородными.

Новоселы Гяурской долины сажают сады и виноградники на тысячах совхозных гектаров, выращивают абрикосы, персики, сливы и яблони в своих личных садах. Стандартные двухквартирные дома новых поселков особенно хорошеют весной: к каждому из них пристроена решетка на опорах, и по ней взбирается до самой крыши виноград — к дому прибавляется большая затененная веранда, а в середине лета над головами хозяев нависают крупные прозрачные гроздья винограда. Ушла верблюжья колючка, уступила место розам. Сейчас, в начале весны, стебли их темнокрасны от соков, в мае над Гяурской долиной разливается их всепроникающий аромат.

Но это только прелюдия в будущее долины. Сейчас здесь работает один хлопководческий совхоз — знакомый нам «Путь ленинизма», два животноводческих (третий строится), один рыбный. Рыбный совхоз в пустыне? Но было бы странно, если бы там, где есть вода, не было рыбы, тем более что запущенные в канал толстолобики и белые амуры набирают до тридцати килограммов веса и пожирают огромное количество водорослей, тем самым очищая канал.

В дальнейшем намечено построить в Гяурской долине четырнадцать совхозов. И станет вся она огромным цветущим многоотраслевым хозяйством — свежей гроздью на голубой лозе канала.

До Каракумканала в мировой гидротехнической практике не было подобного опыта пе-

* Туркменская ССР. На Копетдагском водохранилище Каракумского канала.
* Огульнур Аннамурадова — председатель колхоза «Ленинград».
* Идет сев.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

* Здесь была пустыня.
* Молодость и весна.
* Хлопкоробы Союновы — старший и младший.













реброски огромных масс воды через огромные пространства песков.

Канал — это новая жизнь, новые нарядные оазисы, словно сошедшие в пустыню с древних восточных миниатюр, рожденных мечтой. Оазисы на 525 тысячах гектаров! Это уже чуть больше половины обрабатываемых земель Туркмении. К 1980 году в зоне канала будет освоен миллион гектаров новых земель и на них — 130 новых совхозов.

Канал — это бирюзовые озера в пустыне: водохранилища Хауз-хан проектной мощностью в миллиард кубов воды, Копетдагское — в 550 миллионов, будущее Зеидское — в 2 миллиарда 200 миллионов кубов. Пустыне надо много воды. Канал — это новые, в зелени садов, в аромате традиционных восточных роз города. Естественно, что создает все это в пустыне многотысячный и многонациональный коллектив строителей. Естественно и то, что канал строится с помощью самой современной отечественной и зарубежной техники — от мощных энергопоездов до тысяч небольших мобильных землеройных и строительных машин: ведь Каракумканал — гордость всей страны и послевоенных пятилеток. Здесь родились и растут поколения новых людей, красивые, здоровые дети. Сейчас они воспитываются в детских садах, учатся в школах, занимаются спортом в бассейнах и только из истории будут знать, что до того, как в Ашхабад пришел канал, потребление воды в туркменской столице было ограничено и даже детским учреждениям ее подавали по режимному графику на 2—4 часа в сутки.

Канал — это новый образ мыслей людей. Советский образ мыслей.

В колхозе «Ленинград», земли которого тоже поливаются водой из канала, мы познакомились с председателем — строгой красивой женщиной Огулынур Аннамурадовой.

— Не трудно ли вам управлять хозяйством, в котором так много мужчин? — спросили мы ее.

— Если это не шутка, то сведения ваши относительно характера туркменских женщин устарели, — ответила она с улыбкой.— Мне не трудно, и отнюдь не одну меня, но и других женщин в нашем колхозе уважают за работу. Знакомьтесь: звеньевая Огульбабек Марлиева, депутат Верховного Совета республики, колхозница Энебай Реджепова, депутат областного Совета. Сейчас они сажают помидоры и намерены в начале июня получить их по семьсот центнеров с каждого гектара. Я здесь председателем всего второй год, по образованию — агроном-шелковод. Семнадцать лет после окончания института проработала в сельском хозяйстве. Надеюсь, вы не обидитесь за вашу тоже очень интересную работу, если я скажу, что труд на земле — самый благородный и самый благодарный. Он дорог мне тем, что здесь видишь результаты своих усилий. И вместе с тем каждая твоя ошибка — не только урок, но и укор. Земля не прощает нерадивым. Что же касается неравноправия женщин, то с этим покончено. Теперь и мужчин и женщин одинаково ценят за умение и знания. Туркменские женщины достойно воспользовались равноправием: среди нас есть талантливые ученые и литераторы, государственные деятели и люди искусства. При всем при том — хотя об этом, конечно, судить не мне — сдается, что наши женщины всегда женственны и по-своему элегантны: придерживаясь моды вообще, в деталях мы сохраняем национальную самобытность. И если бы я поставила на повестку дня женский вопрос, то только с точки зрения достижений...

...Последней предотъездной картинкой было: радуга в роскошных «усах» земснаряда, намывающего дамбу на Копетдагском водохранилище, надменные верблюды, прибывшие сюда напиться, и стайка нарядных школьников, высыпавших на асфальт,— мальчишки на велосипедах, девочки пешком с яркими портфелями в руках.

* Субботник в Каракумах.
* Воды хватает и для спортсменов.
* Что тебе снится, Курбангуль!

книжные редкости

УЧЕНИК НЕКРАСОВА

Поэт Леонид Николаевич Трефолев (1839—1905), проживший всю жизнь почти безвыездно в городе Ярославле, обратил внимание общественности своими демократическими выступлениями в столичных журналах «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Осколки». Глубокий интерес к жизни русского крестьянства, сострадание народному горю и вера в светлое будущее России роднят поэзию Трефолева с творчеством Н. А. Некрасова.

Ряд произведений его стали широко распространенными народными песнями: «Песня о камаринском мужике», «Когда я на почте служил ямщиком» — перевод стихотворения польского поэта В. Сырокомли «Почтальон», «Дубинушка» — вариант переложения русской бурлацкой песни.

Некрасову принадлежит отзыв о поэте: «Стихи Трефолева бьют по сердцу. Это мастер, а не подмастерье». А на замечание собеседника о том, что Трефолев его «ученик», Некрасов возразил: «Скорее — последователь. Но если ученик, то такой, которым может гордиться учитель».

При жизни Трефолева были изданы лишь два сборника стихотворений. Обе книги мне удалось найти. Большой радостью для меня явилось приобретение первого сборника «Славянские отголоски» (Ярославль, 1877). Эта небольшая книжечка, изданная сто лет назад небольшим тиражом, сама по себе чрезвычайно редка, но мне посчастливилось встретить ее с дарственной надписью автора. Но это еще не все. Мне довелось испытать двойную радость от находки — в книгу вложено сопроводительное письмо Л. Н. Трефолева...

Кому же подарена книга?

Н. А. Белоусов (1863—1930), московский портной из Зарядья, по призванию поэт, вынужден был многие годы работать в мастерской своего отца. Ни о каком сочинительстве в этом доме не могло быть и разговора — юноша лишь по ночам, когда в доме все засыпали, писал стихи.

Задушевные, полные сострадания к простому народу стихи Трефолева привлекли к себе внимание Белоусова. В 1889 году он решил познакомиться с ярославским поэтом и послал ему свою первую книгу переводов «Из «Кобзаря» Т. Шевченко и «Украинские мотивы», изданную в Киеве. В ответ Трефолев прислал ему свою первую книгу — «Славянские отголоски». В ней отразились общественные настроения, когда русское общество горячо поддерживало национально-освободительное движение балканских славян. На титульном листе надписал: «Многоуважаемому Ивану Алексеевичу Белоусову. Л. Трефолев». В книгу вложил небольшое письмо, публикуемое впервые.

«Ярославль. 31 декабря 1889 г.
Благодарю Вас, многоуважаемый коллега Иван Алексеевич, за доставленную мне книжку Ваших стихотворений, а также за посвященное мне стихотворение. Оно чересчур уж любезно: душа у меня далеко не чистая, а самая заурядная душа, которая, впрочем, и Вас готова любить, как заглазного приятеля — поэта.

За Вашу книжечку, которая очень мила, отплачиваю моим изданьем. Примите его дружески. Это — маленькая частичка всего мною настроченного в стишках-грешках.

Жму дружески Вашу руку.
Уважающий вас Л. Трефолев».

Анатолий МАРКОВ

СЛЕДЫ ДРЕВНОСТИ

Именно здесь вокруг внушительного кургана, на вершине которого возвышались каменные стены древнего мавзолея, на многие километры не было ни одного населенного пункта, Исмат Мухсинов настойчиво искал остатки человеческого жилья. Начальник Бухарской реставрационной мастерской не ошибся. Под сыпучими гребнями барханов обнаружились заплывшие глинобитные стены и глубокий колодец.

Мавзолей Шабургана был известен еще средневековым летописцам. Рассказывая о памятниках юго-запада Бухарского оазиса, они непременно описывали это своеобразное сооружение, имеющее восьмигранную композицию, редкую для архитектурной традиции Средней Азии. Затем о мавзолее долгое время не вспоминали, считая его разрушившимся. И вот состоялось как бы второе открытие.

Находка была сделана в северной части мавзолея, где реставраторы обнаружили плоский античный кирпич с отпечатками ног. Бухарские криминалисты единодушно решили: следы на только что слепленном кирпиче оставили дети, которые, очевидно, мерились ступнями ног — у кого больше. Картина, нередкая и в наши дни... Любопытно: материал, из которого изготовлен кирпич, оказался настолько пластичным, что на нем четко отпечатались и сохранились даже рисунки кожных узоров.

По данным археологов, подобные отпечатки ног, столь хорошо сохранившиеся, найдены в Средней Азии впервые. Это следы людей, живших рядом с мавзолеем, почти девятьсот лет назад...

Другая находка была сделана в горах Южного Казахстана. Здесь, как сообщил из Алма-Аты археолог-любитель Б. Волчков, вблизи древних могильников, найден мраморный скульптурный портрет, который сразу же привлек внимание специалистов. Неизвестный художник создал талантливое произведение, поражающее мастерством работы. Алма-атинский археолог А. Медоев, комментируя находку, сообщил, что использование мрамора древними скульпторами Средней Азии является исключительной редкостью. Последнее слово за экспертами, которым предстоит определить возраст скульптуры и ее археологическую ценность.



Э. МАКСИМОВСКИЙ

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Возвращение резидента

Глава 3

АГЕНТ-БОЛВАН И БЕКАС

Чтобы избежать кривотолков, надобно сразу объяснить, что слово «болван» употреблено здесь не в смысле дурак, тупой человек. У этого словечка есть еще множество других метафорических, переносных значений. Например, когда вместо чего-то делают его подобие,— это называлось в народе болваном, а теперь зовется макетом.

История шпионажа насчитывает немало случаев, когда секретные службы разведцентров, засылая во вражеский стан какого-нибудь разведчика с важной миссией, одновременно другим путем, по другим каналам отправляли еще одного или даже нескольких своих людей, которые, не ведая про то, в результате иезуитских действий своих хозяев привлекали к себе внимание вражеской контрразведки. Она попадалась на удочку и отвлекала силы на борьбу или игру с «подкинутым» ей шпионом, а в это время настоящий разведчик без особых помех делал свое дело. Такие липовые, или, точнее, вспомогательные, шпионы и назывались агентами-болванами.

В нашем случае речь пойдет об агенте-болване, но несколько иного рода. Дело касается человека по имени Владимир Уткин.

Когда разведцентр, вынужденный действиями чекистов, решил отозвать из Советского Союза своего резидента Михаила Тульева, был избран морской способ переправы.

Уткин прибыл в Одессу на лайнере, совершавшем круиз с группой иностранных туристов. Он отдал Тульеву свой контрольный талон, дающий право подняться на борт лайнера, а сам остался. Произошел, так сказать, простой обмен, правда, неравноценный.

Уткин с Тульевым поменялись не только судьбами, но и плащами. В кармане плаща, который надел Уткин, лежал билет на самолет, следующий рейсом до Москвы, а также бумажка с адресом и начерченным чернилами планом городских улиц, на котором крестиком был помечен дом под номером 27. Этот план и адрес относились к городу С.

Туда и отправился, сделав в Москве пересадку, Владимир Петрович Уткин, тридцатилетний человек самой обыкновенной наружности, среднего роста, русоволосый, с голубыми глазами. Документы у него были в полном порядке. Но и в противном случае провал и арест не грозили ему, ибо он с первого шага на советской земле находился под надежным присмотром советских контрразведчиков.

В военном билете Уткина значилось, что он старшина сверхсрочной службы, по специальности связист, уволен из армии в запас. Служил он на Дальнем Востоке, затем полгода прожил там как гражданский, выписался, снялся с воинского учета и подался поближе к центру, к Москве. Он холост и вообще одинок, никого из родных у него нет.

В городе С. первым долгом Уткин пошел на городскую телефонную станцию, в отдел кадров, и справился насчет работы. Известное дело, к тем, кто пришел после службы в армии, отношение особое. Они везде самые желанные люди. К тому же Владимир Петрович Уткин отменно разбирается в слаботочной аппаратуре. Ему тут же предложили должность техника на одном из телефонных узлов. Он тут же и оформился — и справки и фотокарточки у него при себе. Хуже было с жильем — тут Уткину пока и в отдаленном будущем ничего предложить не могли. Но он не огорчился — снимет где-нибудь комнату или угол, как-нибудь перебьется.

Затем он отправился в военкомат и встал на воинский учет.

Тем, кто с ним общался в городе С. в первые дни, Уткин представлялся спокойным, выдержанным человеком. Но казаться таким дорого ему стоило. Нервы его были напряжены до предела: когда он предъявлял документы и разговаривал с советскими официальными лицами, проходила решающую проверку вся его подготовка, его крыша, вершилась, собственно, вся его судьба. И вот он проверку прошел и вздохнул свободно.

Переночевав всего одну ночь в гостинице (не в номере, конечно, а на диване в холле), он на следующий день через гардеробщика гостиничного ресторана узнал адрес одного старичка, жившего на окраине в стареньком доме и пускавшего к себе жильцов. Уткин поехал к нему, и дело сладилось в пять минут. У старичка были две крохотные, метров по восемь, комнаты, кухня с газовой плитой. Запросил он двадцать рублей в месяц, Уткин не торговался. У него наличными имелось три тысячи, да книжка на предъявителя на четыре тысячи,— сберкнижка была московская.

Через неделю Уткин приступил к работе. А до того успел обзавестись новой кроватью, шкафом, постельными принадлежностями и всем, необходимым одинокому человеку. Хозяин, Василий Максимович, охотно согласился взять на себя покупку продуктов для завтраков и ужинов и исполнять обязанности повара.

Описывать повседневную жизнь Владимира Уткина неинтересно, да в этом и нет нужды. Советским контрразведчикам, работавшим под руководством генерала Ивана Алексеевича Сергеева и полковника Владимира Гавриловича Маркова, которые вели всю операцию по делу резидента Надежды, то есть Михаила Тульева, важно было одно — выявить цели и намерения нового агента, засланного на нашу территорию, но, судя по тому, как вел себя Уткин, он собирался пустить в городе С. глубокие корни, а следовательно, ждать от него каких-то активных действий не приходилось.

Лакмусовой бумажкой служила портативная рация, замаскированная под обычный приемник «Спидолу», которая когда-то была доставлена из-за рубежа для Михаила Тульева и которую он спрятал в ящике с песком на чердаке дома № 27 по улице Златоустовской,— этот-то дом и был помечен крестиком на плане, переданном Уткину Михаилом Тульевым.

День шел за днем, неделя за неделей, а Уткин и не думал проведать чердак и хотя бы убедиться, что рация в сохранности.

Значит, пока она ему не нужна. А коли так, значит, и он пока своему разведцентру не нужен. Если агент ведет жизнь обыкновенного советского человека и если ему нет надобности держать связь со своими шефами, следовательно, такой агент поставлен, что называется, на консервацию.

Да, в нашем случае слово «болван» употреблено в другом его значении. Есть такие карточные игры, для которых строго обязательно определенное число игроков. Но когда не хватает одного, играть все-таки можно. На отсутствующего карты сдают и за него делают ходы. Это называется игра с болваном.

Похоже было, что началась какая-то новая игра, и Владимир Уткин исполнял в ней пока роль болвана.

Положение капитана госбезопасности Павла Синицына, который для разведцентра был вором-рецидивистом по кличке Бекас (многовато птичьих фамилий собралось, да что поделаешь? Там дальше еще и Воробьев появится и Орлов), числился агентом, жившим теперь в Советском Союзе под именем Павла Ивановича Потапова, было еще более непонятным и неопределенным, а в некотором отношении и необычным.

Перед отъездом за рубеж Михаил Тульев получил радиограмму, в которой было такое указание: «Обусловьте с Бекасом связь, предложите ему выехать в город Н. на Волге». От этого города поездом до Москвы была ночь езды. Разведцентр еще ранее поставил одно условие, которое Бекас обязывался соблюдать неукоснительно: он ни при каких обстоятельствах не имел права возвращаться к старому способу добывания денег.

Двойственность положения Павла-Бекаса создавала неудобства. С одной стороны, необходимо было всегда иметь в виду, что разведцентр, так и не пожелавший пока облечь Бекаса своим полным доверием, в любой момент может организовать проверку (как это уже бывало в прошлом), живет ли его агент в обусловленном месте. Значит, Бекас обязан был прописаться в городе на Волге. Разумеется, это не составляло проблемы. Он нашел подходящую комнату и прописался. С другой стороны, было бы крайне нерационально сидеть Павлу в этом городе совершенно без всякого дела и ждать связи от разведцентра неизвестно сколько времени. Необычность же гражданского, так сказать, состояния Павла заключалась в том, что по соображениям конспирации он лишен был возможности свободно и открыто общаться со своим начальством

Продолжение. См. «Огонек» № 17.

и даже с родной матерью. Встречи, как и прежде, происходили на загородной даче, куда Павел добирался с необходимыми предосторожностями и где иногда жил по целым неделям.

При совещании с полковником Владимиром Гавриловичем Марковым рассудили так. Если разведцентр поставил Бекасу условие раз в месяц проверять, нет ли для него корреспонденции до востребования, и не требовал ничего другого, значит, местожительство Бекаса рассматривается только как почтовый ящик, а не место его постоянного пребывания. А значит, нечего Павлу торчать в этом городе и проводить время в праздности.

Таким образом, Павел получил возможность принимать участие в повседневной работе отдела, которым руководил полковник Марков, и исполнять поручения по другим операциям.

Ежемесячно в разные дни он отправлялся в город на Волге, но девушка на почте, выдававшая письма до востребования, неизменно отвечала, что на имя Потапова ничего нет. Создавалось впечатление, что разведцентр вычеркнул Бекаса из своих списков действующей агентуры. Единственным напоминанием о его недавних взаимоотношениях с Центром была половинка неровно разорванного рубля, который ему вручили когда-то как пароль.

Признаком того, что состояние летаргии не будет вечным, послужила внезапная активность Уткина: в мае 1971 года (именно в то время, когда Светлана Сухова и ее подруга Галя Нестерова познакомились с итальянским инженером Пьетро Маттинелли, точнее — через две недели после этого) он вдруг отправился на Златоустовскую улицу в дом № 27, на чердаке которого в пожарном ящике с песком была спрятана рация, имевшая вид обыкновенной «Спидолы». Уткин взял ее к себе домой.

Ждали, что он будет налаживать радиосвязь с разведцентром. Но Уткин в эфир не выходил. Вероятно, работал только на прием.

Жил Владимир Уткин скромно, не пил, не шиковал. У него образовались прочные знакомства с несколькими людьми, среди которых была одна миловидная женщина лет тридцати, недавно разошедшаяся с мужем, к ней Уткин питал чувства более чем дружеские и, кажется, пользовался взаимностью.

Вся жизнь Уткина была на виду, все было известно, ибо он находился под наблюдением. Но есть вещи, которые очень трудно, а иногда просто невозможно проконтролировать.

Уткин ходил ремонтировать телефонные аппараты по вызову абонентов. В иной день таких вызовов выпадало на его долю до полутора десятков. Контрразведка нашла способ установить, что посещения Уткиным абонентов никаких побочных целей не имели — явился, починил, получил на лапу полтинник или рубль (а нет — и на том спасибо) и откланялся. Так что в дальнейшем Уткин общался с владельцами телефонных аппаратов бесконтрольно.

Впоследствии обнаружилось, что он употребил эту возможность в интересах дела, ради которого его заслали в Советский Союз. После того, как Уткин изъял рацию из тайника, он начал искать, где бы купить радиоприемник «Спидола». В магазинах их не было и в помине, да если бы они и продавались свободно, Уткин в магазине не стал бы покупать. Тому было две причины: во-первых, ему требовалась подержанная «Спидола», чтобы внешне она походила на ту, в которой была заключена рация, а во-вторых, приобретение приемника должно быть тайным, чтобы никто из посторонних не мог знать, что у Владимира Уткина есть две «Спидолы», по виду одинаковые.

Уткину повезло. Однажды он был послан для починки телефона на квартиру, в которой, как он убедился, едва переступив порог, жил великий любитель транзисторной радиотехники. Комната, где стоял телефон, была начинена самыми разнообразными и притом новейшими приборами для улавливания и воспроизведения звуков. Тут были и немецкие «грюндиги», и голландские «филлипсы», и японские «сони». И среди всего этого эбонитово-хромированного великолепия, скромно приткнутая под письменным столом, стояла старенькая «Спидола» в корпусе цвета слоновой кости. Хозяин этой квартиры, принявший Уткина, был человек немолодой, но заметно молодящийся. Уткин быстро исправил аппарат, от рубля, протянутого ему хозяином, отказался и, вроде бы уже уходя, с легкой завистью заметил: «Машинки у вас дай бог всякому». Хозяин был польщен, а следовательно, с готовностью развивал затронутую тему. Через десять минут «Спидола» перешла в собственность Уткина за смехотворно малую сумму — двадцать пять рублей.

Уткин рассовал инструмент и запасные детали по карманам, чтобы освободить в чемоданчике место, уложил «Спидолу», и, расставшись с хозяином, как с лучшим другом, поехал домой.

Эта тайная покупка, как выяснится позже, имела очень важное значение.

Глава 4

«ТИХО СКОНЧАЛСЯ»

Прежде чем приступить к последовательному изложению дальнейшего, необходимо рассказать об одной акции, осуществленной Михаилом Тульевым несколько раньше.

Вскоре по возвращении из Советского Союза в Центр ему дали трехнедельный отпуск, и он отправился во Францию.

...Небольшой городок, куда теплым летним утром приехал Михаил Тульев, взяв напрокат «Ситроен», лежал в местности, располагавшей к отдыху.

Но приехал он в этот городок совсем не для того, чтобы отдыхать. То, чем он занимался, называется частным сыском. Ему хотелось выяснить обстоятельства смерти отца, и он знал, что не успокоится, пока не откроет всю правду.

Михаил и раньше подозревал, что слова в некрологе его отца «тихо скончался» — не более чем благопристойный штамп, призванный скрыть истину. В Москве полковник Марков показывал ему добытый каким-то неведомым путем фотоснимок автомобильной катастрофы, на котором в одной из жертв Михаил узнал своего отца. Тогда был разговор, что катастрофа, безусловно, подстроена. Но позже, уже перед отправкой в Одессу, Михаил попросил Маркова еще раз показать снимок и, хорошенько рассмотрев его, усомнился — отец ли лежит рядом с исковерканным автомобилем... По прибытии Михаила в Центр некий болтливый старый знакомец как-то во время долгого сидения за столиком в ресторане намекнул, что Одуванчик, то есть отец Михаила граф Тульев, умер не своей смертью. Позже, уже в Париже, пообщавшись со знакомыми из древней российской эмиграции, наслушавшись двусмысленных соболезнований, Михаил разыскал человека по прозвищу Дон, которого разведцентр завербовал еще лет двадцать назад, но который по складу души не походил ни на агента, ни на провокатора и который относился к ним обоим, отцу и сыну Тульевым, с большим уважением и даже с поклонением, потому что Тульев-старший однажды заступился за него перед высоким начальством. Этот человек определенно утверждал, что старика убрали. Нет, он не имел никаких доказательств, но за две недели до смерти Тульев заходил к нему в бар, был бодр и как будто бы даже помолодел с тех пор, как ушел в отставку. Выпил две рюмки коньяку, а прощаясь, подмигнул и весело сказал: «А у тебя здесь хорошо. Буду захаживать...»

По официальной версии, Александр Николаевич Тульев скончался от острой сердечной недостаточности. Для человека, которому перевалило за семьдесят — ничего удивительного, но Михаил-то знал, что у отца сердце всегда работало, как хороший мотор, и он помнил не единожды говорившиеся слова: «Нет, сын, если я и умру, то, к сожалению, не от сердца. От печени — может быть, хотя, видит бог, пил я всегда умеренно...»

В Париже ничего толкового добиться было невозможно, поэтому Михаил и отправился в маленький городок, где отец жил последние два года.

Это жилище по-московски можно было бы назвать дачей, скорее даже домиком на пригородном садовом участке.

Дом деревянный, простой, но с изюминкой: три ступеньки крыльца — из белого мрамора. Такое впечатление, что не крыльцо пристраивали к дому, а дом к крыльцу. Михаил с грустью подумал, что, вероятно, эти мраморные ступени напоминали отцу его дом в Петербурге,— ничем иным нельзя было их объяснить.

Дверь была заперта на два внутренних замка, ставни на окнах — как конверты с сургучными печатями: на висячих замках. Михаил обошел дом вокруг, посматривая исподлобья на уже отцветшие яблони. Завязей было совсем мало, и вообще сад производил впечатление заброшенности.

Михаил отправился в мэрию, и там тщедушный старенький чиновник сообщил ему, что дом, принадлежавший мсье Тульеву, по завещанию, составленному покойным, принадлежит его сыну. У Михаила не было при себе документов, свидетельствовавших, что он Тульев-младший, поэтому пришлось прибегнуть к безотказному средству — вульгарной взятке, чтобы получить ключи от дома: ему нестерпимо хотелось взглянуть на последнее прибежище отца...

Он ожидал ощутить дух тлена, но в комнатах и на кухне царил тот особенный порядок, который присущ квартире аккуратного холостяка, привыкшего ухаживать за собой без посторонней помощи. Даже пыли было совсем мало — словно протирали тут всего не более как неделю назад. В маленьком баре под телевизором стояло несколько початых бутылок и фужер на короткой ножке.

Никаких бумаг, кроме оплаченных счетов за электричество и рекламных проспектов, Михаил в доме не нашел. Это было странно: он знал, что отец даже стихи тайком пописывал. Естественно, те, на кого отец столько лет работал, не могли оставить на произвол судьбы его архив, но забрать все до последнего листика — это уж чересчур. Кто-то явно перестраховывался...

Михаил покинул дом, заперев его на оба замка. Странное, дотоле не испытанное чувство владело им: словно человека обокрали, но что именно унесли — он еще никак не сообразит...

Скорее машинально, чем по зрелом размышлении, он отправился искать судебно-медицинского эксперта, который согласно заведенному правилу обязан был составить свидетельство о смерти Александра Тульева. Но прежде надо было прочесть своими глазами это свидетельство, и Михаил обратился за советом к уже знакомому чиновнику мэрии, а тот свел его с чиновником службы записей актов гражданского состояния. Еще сто франков, и в руках у Михаила быстро появилась бумага, в которой было написано, что Александр Тульев, семидесяти четырех лет, умер по причине обширной травмы правой височной области черепа, каковая травма могла явиться результатом падения и удара об острый край мраморной ступеньки крыльца, возле которого обнаружен труп. Отчего произошло падение, в акте сказано не было. Далее следовало пространное доказательство, что конфигурация раны полностью совпадает с конфигурацией закраины нижней ступеньки.

Михаил спросил у чиновника, где можно найти эксперта, подписавшего это свидетельство, и чиновник сказал, что он работает патологоанатомом в городской больнице. Через полчаса, выпив по дороге чашку кофе в маленьком прохладном кафетерии, Михаил пришел в больницу, но там ему сказали, что интересующий его доктор Астье сидит дома, так как работы для него нет — уже неделю в городе никто не умирал, да к тому же у мсье Астье разыгралась аллергия из-за буйного цветения табака. «Видите, сколько у нас цветов»,— прибавила дежурная сестра приемного покоя, протянув руку к окну.

По указанному адресу Михаил без труда нашел квартиру доктора Астье. Патологоанатом открыл ему дверь, держа в левой руке носовой платок,— у него был насморк, глаза слезились, и даже в полутьме прихожей Михаил заметил, какие красные у доктора веки.

Начинать издалека не имело смысла, ибо кому же более чужды всякие покровы, чем патологоанатому, чья специальность — хладнокровно вскрывать человеческое тело и беспристрастно подтверждать или опровергать прижизненный диагноз, поставленный лечившим пациента врачом. Михаил сказал, что он

сын покойного Тульева, и начал задавать вопросы.

Да, ответил доктор Астье осторожно, он помнит то вскрытие. Сердце? Оно было у мсье Тульева, как у сорокалетнего. Мозг? Со стороны сосудистой системы и кровоснабжения все обстояло благополучно. Мог ли мсье Тульев упасть оттого, что вдруг закружилась голова? Гм, гм, это уже из области предположений, в которой весьма уверенно чувствуют себя только лечащие врачи, например, терапевты или психиатры, но для патологической анатомии в этой сфере подвизаться категорически запрещено...

Они сидели в кабинете доктора — хозяин за столом, Михаил в кресле,— и после этого иронического ответа у обоих одновременно возникла потребность встать и либо закончить разговор, либо сделать его еще более откровенным.

— Скажите, доктор,— поднявшись, спросил Михаил,— мог человек получить такую рану, просто упав виском на ступеньку?

— Ваш отец был высокого роста,— уклончиво ответил доктор.— Он выше вас...

Михаил рискнул: вынул из кармана портмоне и положил его на стол.

— Вы можете рассчитывать на мое молчание,— сказал он, глядя прямо в слезящиеся глаза доктора.— И на мой кошелек тоже.

Астье усмехнулся.

— Немедленно уберите это. Или, прошу прощения, уходите сейчас же.

Михаил поспешно спрятал портмоне.

— Извините, дурная привычка.

— Что вас привело ко мне? — отрывисто произнес доктор.— Конкретно!

— Умоляю, скажите: он действительно упал?

— Я не могу этого знать.

— Но характер раны...

— Люди падают, поскользнувшись на банановой кожуре, и расшибаются насмерть...

— Я внимательно прочел свидетельство о смерти,— сказал Михаил, опуская взгляд.— Рана описана очень подробно...

— Вы врач?

— Нет. Но мне сдается, что отец мог упасть и не сам. Он не поскользнулся на банановой кожуре...

Доктор отвернулся к окну и спросил тихо:

— Мой адрес вам дали в больнице?

Михаил почувствовал, что лед сломан.

— Да. Но я повторяю: вы можете быть уверены в моем молчании.

— Ну, все равно... В общем, вашего отца, возможно, кто-то ударил в висок тяжелым предметом. Если удар был нанесен не сзади, то бил левша. Однако насчет конфигурации раны в черепе и конфигурации ступеньки в акте все верно. Большего от меня не ждите.

— Спасибо, доктор!

— Не стоит благодарности. Будьте здоровы, и вы меня не видели.

...Михаил так и не понял, какими мотивами руководствовался доктор Астье, сделав ему это осторожное, но немаловажное признание. Может, просто заговорила совесть? Как бы там ни было, спасибо патологоанатому...

Михаил решил поспрашивать обывателей, и в первую очередь тех, кто жил неподалеку от дома отца. Ничего существенного выудить не удавалось, пока он не поговорил с агентом компании по продаже недвижимости, который жил почти напротив, чуть наискосок. Агент этот вспомнил, что незадолго до смерти старика видел возле его дома какого-то человека лет тридцати — тридцати пяти, одетого в рабочий комбинезон, с чемоданчиком в руке. Мсье Тульев был тогда в отъезде, агент это знал и потому позволил себе войти на усадьбу и поинтересоваться, что нужно пришельцу. Тот ответил, что промышляет ремонтом частного жилья и ищет подходящую клиентуру вот таким простейшим образом — обходит виллы и смотрит, нет ли кандидатов на капитальный или профилактический ремонт. Агент по продаже недвижимости вполне удовлетворился этим объяснением, но посоветовал не искать работу в городе: уж он-то знал, что дома богатых владельцев в ремонте пока не нуждаются, а у владельцев бедных нет на ремонт лишних денег. С тем они и разошлись.

У Михаила после этой встречи возникло предположение, что так называемый ремонтник приходил неспроста: он мог сделать слепок с закраины мраморной ступеньки. Если так, то тут работали наверняка профессионалы высокой марки. Центр своими руками не стал бы убивать отца — это не в их стиле. Им проще нанять убийцу в одном из тайных синдикатов, занимающихся ликвидацией людей по заказу.

Вернувшись в Париж, Михаил вновь обратился за помощью к Дону, рассказав ему обо всем, что удалось узнать. Тот попросил дать срок, потерпеть, и Михаилу ничего не оставалось делать, как поселиться в тихом маленьком отеле и заняться чтением книжных новинок.

К концу второй недели нетерпеливого ожидания Дон позвонил ему по телефону и сообщил, что есть новости, но в баре встречаться нежелательно. Михаил пригласил его к себе в отель.

— Я так и думал,— сказал Дон с порога не то чтобы мрачно, но довольно угрюмо.

— Что именно? — Михаил показал рукой на кресло у столика. Дон сел.— Что ты узнал?

— Ты слыхал о Франсисе Боненане?

Михаил сдвинул брови, припоминая.

— Это что-то связанное с Чомбе?

— Да. Он украл Чомбе и привез его в Алжир.

— И он убил моего отца?

Дон поднял руки и воскликнул:

— Нет! Нет!

— Так при чем здесь Боненан?

— Я встречался с одним типом из его компании, и этот тип рассказал любопытные вещи.

— Например? — Михаила начинала слегка раздражать эта манера ходить вокруг да около.

— Он водил дружбу с человеком по имени Карл Брокман, тоже из их банды, а этот Брокман проболтался ему, что сумел за год заработать семьдесят тысяч долларов чистыми. Помимо работы на Боненана.

— Короче — отца убил Брокман?

— Скорей всего.

— Но при чем здесь Боненан?

— А при том, что это такая гнусная публика — тебе придется очень трудно.

— Значит, Карл Брокман...

— Ну, ты же понимаешь, имена у них у всех весьма условные. Как и у нас.

Михаил закурил сигарету, прошелся от столика к двери и обратно, спросил:

— Как он выглядит?

— Этого мне не рассказывали. Из разговора я только понял, что ему лет тридцать с небольшим.

— Где он сейчас?

— Тот тип сказал, что его дружок месяца три назад отправился в Лиссабон.

— А что там, в Лиссабоне?

— А там есть одно агентство по распространению печати, которое ничего не распространяет, а вербует людей для войны в колониях.

Михаил посмотрел на Дона с восхищением. Большего за такой короткий срок не могла бы разведать даже Интеллидженс сервис. Работа — высший класс, а подать, расписать ее эффектно Дон не умеет. Такие, к сожалению, в жизни не сделают карьеры. Вот когда, наоборот, работы на грош, а краснобайства много, тогда карьера обеспечена...

— Чем мне тебя отблагодарить? — сказал Михаил задумчиво.

— Подожди, еще ругать будешь, когда встретишься с Брокманом на узенькой дорожке.

Михаил улыбнулся.

— Ничего. Как зовут твоего осведомителя?

— Марк Гейзельс. Он бельгиец.

— Прошу тебя, Дон: постарайся уточнить, где Брокман. Сейчас мне до него не добраться, но как-нибудь выкроится время.

— Буду стараться. Вообще-то раз уж человек подался наемником в колонии, это надолго, если не подстрелят, конечно. Так что мне не очень трудно будет его разыскать. У меня, сам знаешь, контактов с этими людишками хватает...

Дон скоро ушел, а Михаил начал собирать чемодан.

Нет, он не забыл, он всегда помнил слова генерала Сергеева: «Месть будет вам плохим попутчиком». Но ничего не мог с собой поделать: он должен найти убийцу отца. Однако его каникулы кончились. Михаил вернулся в Центр.

Глава 5

ПОЛОЖЕНИЕ В РАЗВЕДЦЕНТРЕ

За прошедшие годы в разведцентре многое изменилось. Кто-то ушел на пенсию, появились вместо старичков молодые работники, и это вполне естественно. Но были перемены, которые говорили о ненормальности обстановки.

Дело в том, что между шефом и его главным советником шла необъявленная война. Шеф, которого сотрудники за глаза звали Монахом (прозвища тут давались чаще по принципу от противного), был оскорблен тем непреложным фактом, что его советник Себастьян исполнял при нем обязанности контролера или ревизора и пользовался, так сказать, правом экстерриториальности. Формально он подчинялся шефу, но фактически как бы стоял над ним, ибо отчитывался за свои действия только перед высшим начальством. Монах, конечно, догадывался, что в своих отчетах Себастьян чернил его, но платить той же монетой считал ниже своего достоинства, а в отместку старался при каждом подходящем случае чинить Себастьяну препятствия. В основном это касалось кадровой политики. Если, например, Себастьян намеревался продвинуть кого-то, можно было ставить без риска сто против одного, что Монах не даст хода креатуре своего советника. И наоборот, сотрудник, снискавший чем-нибудь антипатию Себастьяна, автоматически обретал покровительство Монаха. Но бывали исключения, где и Монах вынужден был отступать перед Себастьяном.

Положение Михаила было, мягко говоря, щекотливым. После троекратного откровенного допроса, после многочисленных бесед с различными чинами и специалистами, бесед, которые носили характер завуалированного допроса, Михаил составил подробный письменный отчет о своей деятельности на территории СССР и особенно о характере взаимоотношений с Бекасом. Он честно написал даже о том, что во время пребывания в СССР оформил законный брак с советской гражданкой, что у него есть сын Александр и в скобках — домашний адрес Марии, место ее работы и должность. Жена думает, будто он уехал на заработки в районы Крайнего Севера. Он ни разу не допустил оплошности, в его показаниях даже самый придирчивый глаз не смог бы усмотреть ни единого противоречия. И все же Себастьян, надо отдать ему должное, почувствовал к Михаилу недоверие, о чем прямо сказал Монаху. Тот саркастически заметил, что с такой способностью подозревать все и вся надо бы работать не в разведке, а в сыскной полиции. Себастьян проглотил это молча, но остался при своем мнении. Монах же всячески старался выразить Михаилу свое расположение.

Раньше кадровые вопросы — кого на какую должность поставить, кому какого рода работу поручить — решались единолично шефом. Теперь же, с тех пор, как Себастьян стал советником, он имел право оспаривать решения Монаха, и при возникновении между ними разногласий арбитром выступала высшая инстанция — управление, которому подчинялся разведцентр. Там у Себастьяна были сильные связи, поэтому не считаться с ним Монах не мог. Таким образом получилось, что Михаил невольно сделался виновником нового обострения отношений между шефом и его твердокаменным советником. Монах намеревался поставить Михаила во главе отдела, занимавшегося подготовкой агентуры для Востока. Себастьян резко возражал. В конце концов было принято компромиссное решение, и Михаила назначили консультантом в этот отдел. В его обязанности входила корректировка планов подготовки и засылки агентов в Советский Союз. Себастьян, лично курировавший деятельность отдела, поставил условие, чтобы Михаил не имел прямого контакта с агентами, для которых отрабатывал легенды. Более того, Михаил не всегда мог знать, когда и как используются его советы и используются ли они вообще.

Ему, скажем, сообщались исходные данные — профессия, возраст, штрихи биографии, а он должен был, основываясь на своем знании быта и обычаев, подобно романисту, во всех мельчайших деталях расписать буду-



щую жизнь и линию поведения неизвестного ему персонажа с таким расчетом, чтобы в этой инструкции были предусмотрены все мыслимые ловушки и способы их обхода. Себастьян строго контролировал продукцию Михаила.

Все это означало, что ни о какой активной разведывательной работе Михаилу пока нечего было и думать. Он чувствовал к себе явное недоверие со стороны Себастьяна и вынужден был объясниться с Монахом. Последний посоветовал ему не расстраиваться. «Со временем все образуется»,— сказал Монах, но, как выяснилось, ждать пришлось долго.

Связь с полковником Марковым была налажена надежно, и Михаил регулярно сообщал ему о всех добытых данных, зная, что они очень пригодятся Маркову. На исходе первого года работы Марков уведомил его, что по легенде, которую Михаил разрабатывал для неизвестного ему агента и которую переслал Маркову, этот агент был обнаружен чекистами в большом индустриальном городе. Спустя некоторое время пришло письмо, в котором Марков благодарил Михаила за ценные данные о структуре разведцентра и о его сотрудниках. Особо важными сведениями оказались сообщения о месте предполагаемого советом НАТО строительства подземного хранилища термоядерного и химического оружия стратегического назначения. Значит, старания его не проходили даром, и это давало ему сознание своей полезности, без чего жить в обстановке разведцентра было бы просто невыносимо. А письма от жены, от Марии, давали другое сознание — что ты человек, необходимый двум любимым существам.

Провал агента вызвал у Себастьяна новые подозрения относительно Михаила. Конечно, агенты могут потерпеть неудачу, так сказать, естественным путем, то есть благодаря бдительности советских контрразведчиков или по собственной неосторожности. Но Себастьян не был бы Себастьяном, если бы не связал этот провал с тем обстоятельством, что Михаил Тульев хотя и вслепую, но приложил руку к подготовке разоблаченного агента. По настоянию Себастьяна была назначена специальная комиссия, чтобы расследовать причины провала. В течение трех месяцев анализировала она все имевшиеся в ее распоряжении материалы и пришла к выводу, что агент мог попасть в поле зрения советской контрразведки либо по своей оплошности, либо в результате неточности, допущенной в документах прикрытия. Предательство со стороны сотрудников разведки комиссия исключала.

Такому выводу немало способствовали усилия чекистов. Чтобы отвести подозрения от Михаила, через контролируемый чекистами канал связи агента с Центром была отправлена шифровка, в которой агент сообщал о подозрительной задержке его документов, сданных на прописку, и о заданном ему вопросе: где был получен паспорт?

Тем не менее вскоре Михаил ощутил, что потерял у Себастьяна всякое доверие: его постепенно отстраняли от прежней работы, и он три месяца просидел праздно, а затем предложили перейти в аналитический отдел и поручили самую нудную работу — выуживать из вороха периодических изданий крупицы полезных для разведки сведений и составлять справки. Можно было определенно считать, что его задвинули на самые задворки и дают понять, что пора подумывать о дальнейшей своей судьбе.

Гордыня Михаила не страдала, но смириться с новым своим положением, которое во многом лишало его возможности оставаться полезным для Маркова, было невозможно. Михаил вновь обратился к Монаху с просьбой принять его для серьезного разговора. Монах назло Себастьяну (когда Михаил позвонил по телефону, Себастьян находился в кабинете у шефа) пригласил его к себе домой.

Михаил был вполне искренен, когда жаловался Монаху на свое положение, на столь недвусмысленно выказанное ему недоверие. Монах все понимал, но просил считать перевод в аналитический отдел временным, говорил, что надо немного потерпеть и все станет на свои места. Он намекнул, что в скором времени намечается широкая операция, для которой потребуются опытные люди, вроде него, способные решать сложные задачи в исключительных условиях, и тогда для Михаила найдется работа поинтереснее теперешней. Монах советовал не обращать внимания на выходки этого одержимого кретина Себастьяна и тихо пересидеть еще месяц-другой. Михаил был рад удостовериться в сердечном благорасположении Монаха.

Однако прошло почти полгода, прежде чем обещанная шефом перемена начала осуществляться.

Как-то в феврале Монах позвонил Михаилу и срочно пригласил к себе в кабинет.

Он был не один. В кресле за журнальным столиком сидел солидный господин, который на приветствие вошедшего лишь слегка наклонил голову. Монах не счел нужным представить ему Михаила. Вероятно, он просто показывал этому важному господину кандидатов для предстоящей работы.

Разговор был непродолжительный. Монах спросил, не растерял ли Михаил свое знание языков, в частности, как дела с испанским и португальским. Михаил отвечал, что испанский он не забыл, а с португальским дело обстоит немного хуже. Второй вопрос касался его знакомства с Африкой. Михаил кратко рассказал о своем полугодовом пребывании в Алжире, относившемся еще ко времени второй мировой войны. Больше вопросов не последовало, и Монах отпустил Михаила.

На следующий день его вновь пригласили к шефу, но теперь тот был уже один.

В отличие от Себастьяна Монах справедливо полагал, что агент выполнит свое частное задание тем лучше, чем яснее и полнее ему будет известен общий замысел и цели операции,— в пределах допустимого, разумеется. Поэтому Монах изложил Михаилу задачу, поставленную перед разведцентром. Не называя заказчика, он объяснил, что от них требуется негласно определить истинное положение в португальских колониальных войсках. Насколько сумел понять Михаил, от этого зависели размеры помощи португальскому фашистскому режиму со стороны влиятельных финансовых группировок. Конечно, эти группировки могли послать своих официальных эмиссаров, но эмиссарам обычно показывают то, что выставляет просителей в выгодном свете, и скрывают от них все, что может бросить на просителей тень.

Чтобы увидеть реальное состояние вещей, а не декорации, следует заглянуть за ширму и сделать это тайно от хозяев, иначе они успеют замести мусор в углы. А главное, испытать все на своей собственной шкуре.

Так излагал проблему Монах, и Михаил отлично его понимал.

На подготовку Михаилу отводилось два месяца. За это время он должен подучить португальский язык и составить план проникновения в колониальные войска — тут ему предоставлялась полная свобода выбора. Михаил задал только один вопрос: в какую именно колонию Португалии он должен отправиться? Монах сказал: лучше ехать туда, куда можно попасть быстрее и без помех, так как на выполнение задания у него будет не очень много времени, и он назвал место.

Себастьян против нового назначения Тульева ничего не имел, поскольку это никак не касалось деятельности опекаемого им восточного отдела. Наоборот, обрадовался в надежде на то, что там Михаил может сложить голову.

У Михаила тоже были основания радоваться. Во-первых, он избавлялся от опостылевшей кабинетной работы. Во-вторых, наконец-то появился долгожданный шанс выполнить важное задание Маркова — отыскать следы особо опасного военного преступника Гюнтера Гофмана, которые затерялись на Пиренейском полуострове. В-третьих, ему предоставлялась возможность достигнуть и сугубо личной цели — найти Карла Брокмана, убийцу отца. Был ли при этом риск для него лично, для его жизни? Да, был, и Михаил это понимал.

Еще слушая Монаха при первом разговоре о задании, Михаил вспомнил о сведениях, добытых Доном и касавшихся так называемого агентства по распространению печати в Лиссабоне. Он сразу решил, что можно воспользоваться этим агентством, но перед шефом раскрывать своей осведомленности не стал. Теперь он попросил разрешить ему поездку в Париж на две недели, чтобы нащупать пути проникновения в португальские колониальные войска. Монах санкционировал командировку.

Дон не забывал просьбы Михаила относительно Карла Брокмана и время от времени оповещал о передвижениях этого белого наемника, воевавшего на черном континенте. Дон располагал сведениями, что Брокман находится в колонии, расположенной на западе африканского континента, и что контракт у него нескоро кончается, а там кто его знает...

Прилетев в Париж, Михаил из аэропорта позвонил Дону в его бар, и они условились о встрече.

В течение недели Дон сумел снестись с нужными людьми и получил подтверждение, что Брокман на прежнем месте — в спецподразделении, действующем на территории португальской колонии. Михаилу стали также известны специфические правила, которыми руководствуются службы и учреждения, занимающиеся вербовкой добровольцев для войны в колониях.

Возвращаясь в разведцентр, он был снабжен всеми сведениями, необходимыми для составления хорошо продуманного плана своей поездки в Португалию. План был написан в два дня, положен на стол Монаху и одобрен.

Продолжение следует.

САМОЦВЕТЫ

В. ДРУЯНОВ

Фото М. САВИНА

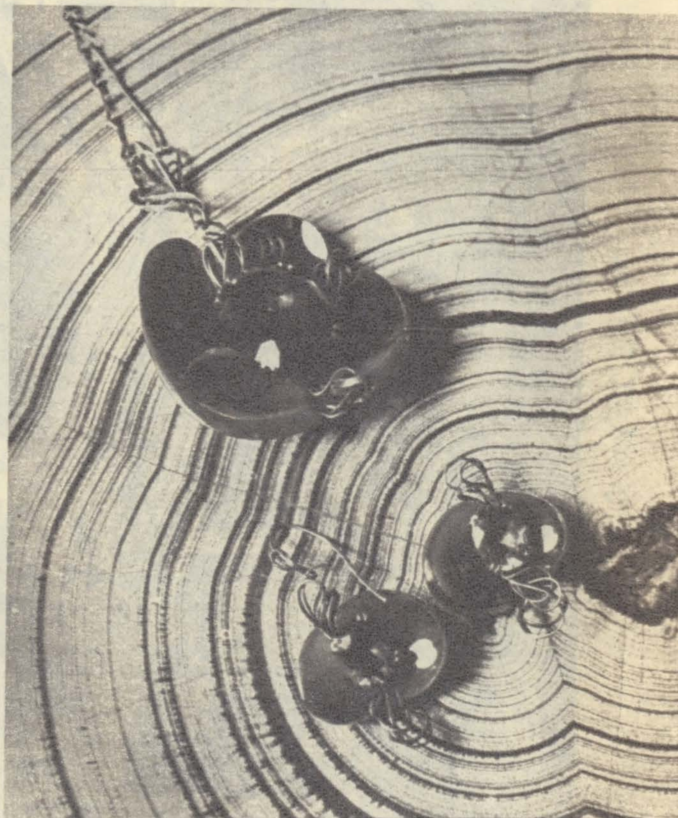
Экспедиция «Экспортсамоцветы» — международный фасад советской торговли цветными камнями. Ежегодно около 60 зарубежных фирм присылают в Москву своих представителей. Все они сначала направляются в салон «Цветные камни».

Их встречает высокий, худощавый человек Анатолий Иванович Куварзин. Внимательный взгляд на посетителя сквозь желтоватые стекла очков, приглашение садиться. Радушный хозяин предлагает сигареты, подвигает пепельницу из поделочного камня. Гость невольно оглядывается, он словно в каменном гроте. Мягкий свет, массивный зеленоватый стол, тяжелые кресла, у стен — образцы минералов и горных пород.

Кабинет создан прибалтийскими мастерами. Куварзин знал, за что боролся, добиваясь нестандартного оформления, приглашая специалистов издалека, доставая редкие материалы. Его кабинет — визитная карточка важного государственного предприятия.

Затем гостя проводят по коридору и открывают перед ним двери музея. Более яркую рекламу для торговли камнем представить себе трудно. Здесь, в музее,— минералы и горные породы Урала, Забайкалья, Дальнего Востока, Средней Азии... Все это уникальные экспонаты. Ничего подобного вы нигде не увидите, поверьте. Каждый экспонат украсит любую коллекцию мира.

Потом гостя подводят к карте Советского Союза, выложенной из цветных камней. Она демонстрирует богатства страны. Посетитель узнает о знаменитых минералах, драгоценностях высшего класса. На выставке — молодые члены семейства самоцветов: голубые топазы, аквамарины. На десятилетия пропавший, а сегодня добываемый со дна рек пресноводный жемчуг. Гость видит, что цветной камень найден во многих местах, что открыты новые райо-



Подвески из аметиста.

Нефритовые кубки.



ны его добычи, в частности Кольский полуостров: амазонит, топаз, астрофиллит (пластинчатый и игольчатый минерал цвета бронзы) и даже сапфир; или Казахстан, превращающийся в крупную область добывания цветного камня: отличный жадеит, хризопраз, малахит. По-прежнему богат Урал: изумруды, аметист, яшма, родонит...

Зарубежный делец осмотрит знающим взглядом экспонаты музея, прикинет их стоимость. Сколько же лет они его создавали? Не знаю, что ему ответят провожатые, мне Куварзин называл... четыре года. С трудом веришь в это, потому что обычно подобные коллекции создаются десятилетиями.

Силами небольшой группы энтузиастов собирался минералогический музей. Геологи ездили по экспедициям страны, сами везли, отправляли в Москву кристаллы из горных выработок. И здесь несколько мастеров подправляли камень, обнажали его природную красоту.

Музей нужен для того, чтобы достойно представить начало дела, с размахом демонстрировать иностранцам наши возможности убеждать и переубеждать своих коллег. Сбыт цветных камней в виде перстней, колец, кулонов, слегка подправленных кристаллов — доходное предприятие, призванное обеспечить экспорт и полное удовлетворение внутреннего рынка. Слава каменного цветка возродится во множестве семейных реликвий — ювелирных изделиях, передаваемых от матери к дочери, от отца к сыну. Камень долговечен, живет веками.

А теперь наш гость идет в кабинет для деловых переговоров, к сотрудникам Всесоюзного объединения «Новоэкспорт». Заключаются выгодные сделки, контракты.

Итак, гость уходит довольный. Он чувствует масштабы, покорен качеством. За спиной экспедиции «Экспортсамоцветы» он ощущает мощную индустриальную отрасль — Всесоюзное объединение «Союзкварцсамоцветы», возникшее в прошлом году стараниями геологов шестого производственного объединения Министерства геологии СССР. Сегодня это объединение — одна из крупнейших в мире организаций, торгующих цветными камнями. Она ищет, добывает, обрабатывает и продает камни силами нескольких территориальных подразделений, многих экспедиций.

Молодая отрасль набирает силу, и, как всегда, процесс роста идет не без трудностей, замысловатых ситуаций. Геологи страны научились искать железо, уголь, нефть, руды любых металлов, но цветные камни... Ими мало кто занимался.

В свое время академик А. Е. Ферсман всерьез разрабатывал геологию красивых камней. А. Е. Ферсман первым осознал их возможную роль в народном хозяйстве. В 20-е годы он предполагал с помощью русских самоцветов пополнить валютные запасы страны. Затем исследования прервались — не было даже заявок на находки самоцветов, и геологам объединения пришлось начинать все снова. Под руководством Киевленко — доктора геолого-минералогических наук — выпущены две монографии о геологии месторождений драгоценных и поделочных камней, проводятся исследования.

Для поисков самоцветов геологи привлекают новейшие методы, но в то же время учитывают и случайные находки туристов, школьников, охотников... Ведь это — самое заметное полезное ископаемое, цветной камень сам «просит» человека: подними меня. Он и найден был тысячелетия назад потому, что поражал своей необычностью. Горный хрусталь в средние века считался редчайшей драгоценностью — единственный прозрачный материал! Случайная находка привлекает внимание к району, и, смотришь, геологи превращают его в крупного поставщика каменной красоты. Они роют карьеры, проходят подземные горные выработки и там почти всегда вручную (пока еще не доверишь взрыву или грубой машине извлечение нежного камня!) добывают кристаллы, друзы, штуфы... И вот уже играет на солнце редкий минерал!

Через несколько лет на берегу Москвы-реки, в Серебряном бору, появится минералогический парк. Это будет самая крупная коллекция минералов, руд и горных пород под открытым небом. Многотонные штуфы, глыбы, блоки лягут на землю в виде карты страны. Протянется Урал, представленный своими славными каменными богатствами, обозначится Байкал, по его берегам — образцы нефрита, лазурита, сердолика, мы увидим Кольский полуостров с 20-тонной глыбой апатита, Колыму, Среднюю Азию — все минеральные богатства СССР будут демонстрироваться в необычном парке. Здесь же навечно бросит якорь исследовательское судно «Витязь», и в его каютах расположатся минеральные богатства морского дна. Геологи уже собрали для парка 46 тысяч образцов весом в тысячи тонн.

Пожалуй, впервые геологи так прямо удовлетворяют эстетические потребности людей.

В одном из залов салона «Цветные камни».



АРНО МООР ИЗ ЦЕХА МАСТЕРОВ

Владимир АМЛИНСКИЙ

У городов, помимо того, что открывается сразу — облика, есть и нечто другое — характер, и, как характер человека, его познаешь не сразу. В Берлине, столице ГДР, бывал я не раз, и виделся он мне всякий раз по-другому, но целостного ощущения города я все никак не мог сложить в своем сознании. Более того, признаюсь, что Дрезден, Эрфурт, Веймар и даже маленький Мейсен говорили моему сердцу и уму больше.

Да, я воспринимал, конечно, величие Унтер-ден-Линден, улицы, по которой готов был ходить бесконечно, ощущая духовную мощь университета имени Гумбольдта, тайну человеческой мысли, преобразующей мир, серый вековой цвет гранита, мостовые, на которых звучали и замирали шаги тех, кто творит Историю, и тех, кто пытался повернуть ее вспять.

Помнилась мне еще центральная площадь в строительных лесах, огороженная бесчисленными заборами, оглушенная рыком бульдозеров, и я видел, как она преобразовывалась, очищалась, росла, становилась неузнаваемой, как ребенок, которого знал когда-то и встретил стройным молодым человеком... В сущности, он и был ребенком, этот вековой город, он был юным в новой своей судьбе, в новой исторической роли, он вновь создавал себя, решительно преодолевая прошлое, отбирая то, что имело перспективу, смело и стремительно двигаясь вперед.

В этом году я как бы открыл Берлин заново, увидел его в совершенно новом ракурсе в цепи неожиданных для меня художественных и исторических связей. Нужен ключик, который открывает тебе город, страну. Этим ключиком обладал Арно Моор, старый художник.

...Мастерская его показалась несовременной, старой, старинной. Темные станки вполне могли пребывать в средневековой мастерской. Хозяин был в блузе, испачканной пятнами туши, сквозь тоненькие железные дужки очков смотрели внимательно и чуть настороженно голубые выцветшие глаза, и сам он меж этих тяжеловесных станков казался средневековым ремесленником.

Когда видишь его работы, вносишь мысленную поправку: нет, не ремесленник, хотя это слово в том давнем смысле звучало благородно,— не ремесленник, конечно, а м а с т е р. По этим черно-белым гравюрам, скупо украшавшим комнату, было ясно: он из цеха Мастеров.

— Вы не пугайтесь, мы не такие уж старые,— усмехнулся художник, показывая на станки. Я подошел к одному. На черной металлической спине его было выгравировано: «Эразмус Зуттер, Берлин 1891».

Я смотрел на станок, честно проработавший без немногого столетие, и мне вспомнился другой, почти такой же старый, из прочного, как железо, дерева. Работала на нем ткачиха. Между нею и станком существовала та же особая связь, что между Моором и его инструментом. Чистая и затейливая линия народного орнамента ложилась на холст, вздрагивал старый деревянный станок; каждый узор походил на другой, но не повторял его, не машина создавала массовую красоту, а удивительная человеческая рука. То было в далеком от Берлина закарпатском селе, в крестьянской избе, где станки и умение передают по наследству.

Что же объединяло их, ткачиху и гравера? Один ли только возраст станков, неведомая тайна линии, ложащейся на холст или на медь?.. В глазах женщины и в глазах Моора виделся ответ той неистребимой творческой жадности, сдерживаемого восторга ра-

боты, той одержимости, что бывает у подлинных художников.

Тот же отсвет был и на лице Брехта, на бледном лице Брехта, светившемся со стены мастерской, одинокого Брехта в ночном городе.

— Вы дружили с ним? — спросил я у художника.

Он пожал плечами.

— Нет, просто знал его. Он много значил в моей жизни.

— А почему именно во тьме вы увидели его?

— Брехт — ночной человек. Его день начинался ночью после спектаклей.— И добавил: — Искусство острее ночью, чем днем. Впрочем, у меня есть и другой Брехт.

Он показал лист с рисунком.

Брехт стоял на берегу, под деревом, руки были сложены за спиной, сигарета в зубах; казалось, в этом спокойном осеннем негородском мире, полном покоя и осенней же чуть печальной невесомости, легкости, он сосредоточен, как бы нацелен на что-то, до предела наполнен напряженной мыслью, раздумьями. Неизменная кепка, сигарета в зубах. Да, это Брехт, прошедший многие круги жизни, изгнанник и боец, верный всегда своей Германии, поруганной, опозоренной, но с неубитой душой; Брехт, вернувшийся на родину, чтобы строить и обновлять ее.

Я пристально посмотрел на Арно Моора, на его глаза под тонкими и словно бы ветхими очками. «Какие приметливые, любопытные к человеку и м о л о д ы е глаза»,— подумал я.

Его интересует связь между жизнью и осмыслением ее. Между собой и тем городом, что зимними крышами глядится в окно мастерской. Между собой и теми, кто продолжит его дело,— учениками. Между собой и временем.

В 1911 году его родители переехали в Берлин. Арно Моору исполнился один год. Здесь впоследствии он рисовал вывески, учился в Академии искусств, здесь узнал первую любовь, счастье отцовства. Этот город вместе с другими немцами он возвращал к новой жизни.

Ему было восемь лет, когда были убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Ему было восемнадцать, когда Брехт в Народном театре поставил спектакль «Что тот солдат, что этот».

Арно Моор в то время был далек от театрального Берлина, от поисков новых художников, от центра с ресторанами, гремящим и входившим в моду джазом, от театрально-художественной богемы и от революционных кружков.

Он был провинциалом, человеком предместья. Здесь слышались гул подземки, автомобильные клаксоны, долгие гудки заводов. Окраина имела свой запах, свой цвет, над ней нависло невысокое тусклое небо. В воздухе, тяжелом от копоти, с трудом проклевывались листочки весенних лип. Может быть, поэтому особенно свежим казался их запах.

Те события, что происходили вдалеке от предместья, доносились сюда гулом далеких залпов: сто тысяч молодых коммунистов с красными знаменами, с пением «Интернационала» вышедшие против солдат и офицеров стального шлема, штурмовых отрядов, коричневых рубашек, черных свастик новой партии.

Чувство тревожного, напряженного ожидания охватывало Моора, хотелось убежать от нарастающего грохота сапог, от лающих речей. Но куда убежишь? Пути он тогда еще не знал.

Моор изображал то, что казалось ему глотком чистого воздуха в душной, отравленной нацизмом грозовой Германии: работа на природе, лошадь с плугом, маленький человечек, бредущий за ней, и, наконец, мимолетный и кажущийся вечным праздник юности: «Первая большая любовь в Трептов-парке». Он и она, нарисованные двумя-тремя линиями, а впереди карнавальный фейерверк.

И вот еще один рисунок, с датой 1932 год. Одинокий человек с ношей, карабкающийся по прогибающейся узкой лестнице. Перед ним железный голый каркас, безнадежно унылый, ведущий в никуда...

В тридцать третьем году на оперной площади Берлина впервые жгли книги. Среди них были и книги Брехта. Моор прочтет их через много лет. А сейчас они полыхают в огне, быстро обугливаются, превращаются в темную пыль. Сгорают книги тех, кто составлял культуру, цвет нации. Сгорают, но остаются жить. Есть удивительная сила в изреченном слове, его не сожжешь, не заглушишь. Оно переживает костры, эпохи, звучит набатом.

Еще далеки годы, когда Арно Моор познакомится с живым Брехтом. А сейчас, опустив голову, стоит он в толпе и слушает выкрики, возвещающие, за что казнена та или другая книга.

Гарь костров душит Моора. Он еще не готов к решению. Он просто бредет в сторону от охваченных пламенем площадей. Идет в свое тихое предместье. Но и там уже кончилась тишина.

В тридцать третьем году Арно Моор окончил Высшее художественное училище. Он скромно оформлял вывески, работал в рекламе.

Вот два рисунка сорокового года: «Время героев» и «Война». Перед одиноким зрителем в пустом зале на подмостках рыцарь с копьем и щитом и красотка, девица с шалью под сенью классической колоннады, у героя зверское выражение лица, и он яростно сжимает копье из папье-маше. Со страхом, втянув голову в плечи, смотрит зритель на грозного рыцаря. А на другом рисунке человек «времени героев» сидит по плечи в земле, развороченной его собратьями-«героями».

Арно Моор, показывая рисунок, изображающий околевшую солдатскую лошадь, сказал: «Я не был бойцом, я был всего лишь наблюдателем, но я научился кое-что сопоставлять. Я многое увидел за годы войны. Я увидел, что фашизм околел, как эта лошадь».

Так он сказал, усмехнувшись с горечью. Может быть, сравнение не совсем точное, но высказанная художником мысль была достаточно ясна. Так же, как и отношение его ко «времени героев».

...После окончания войны в сорок пятом году собрались старые берлинские художники. Надо было думать о возрождении национальной культуры, поруганной, но не умерщвленной фашизмом. В то время Арно Моор нарисовал плакат, ставший известным всей стране, он отражал новое отношение к жизни.

В сорок шестом году создается Высшее художественное училище в Вейсензе. Моор идет туда сначала преподавателем, потом профессором. Советская военная администрация помогла привести в порядок помещение училища, создать хотя бы элементарные условия для занятий.

Среди тех, кто вместе с советскими солдатами расчищал завалы на берлинских улицах, был и Моор со своими учениками.

В своей книге рисунков, книге, отражающей весь его жизненный путь, один из листов называется «Дружба». Лицом к Бранденбургским воротам, взявшись за руки, стоят двое. Они во власти зарождающегося чувства. Все грозное отступило. Есть только это. Есть любовь, начало, есть двое. И еще один рисунок: бедная комната, женщина под одеялом, птица в голом окне и новорожденный ребенок в руках художника.

Тополя сыплют и стелют пух по улицам Берлина, дети рождаются в Берлине сорок шестого года, возникает из праха и вечно продолжается жизнь.

Германией и миром, так мучительно обретенным, дышат и последующие рисунки: лодка на озере, утиное семейство, мать, купающая ребенка, сын, первый раз идущий в школу. Все это так обыкновенно, заурядно даже. Но каким-то особым настроением проникнуты эти рисунки, некая невидимая цена этого покоя осталась на втором плане. И потому острее, выстраданнее обыкновенное человеческое счастье. Да верно ли назвать его «обыкновенным»? Человеческое счастье всегда безмерно.

Арно Моор воспитывал уже поколение учеников. Те, кто делал первые шаги в искусстве, сами стали теперь учителями. Но для него даже самые известные из них профессора и лауреаты — все равно ученики. Впрочем, он отлично понимает условность и сложность этой взаимосвязи, прекрасно понимает, что у некоторых из учеников есть что-то такое, чему ему самому следует учиться.

Он редко употребляет термин «учить». «Я входил в класс и спрашивал: нет идей? И если не было, я уходил».

— Обязательно должно быть это.— Он делает неопределенный жест, дрожат пальцы, сжавшие трубку, сыплется табак.— Должно быть это...

Сердце? Душа? Нет, так он не говорит, это само собой разумеется, без этого нет художника. Он имеет в виду другое: с в о й мир наблюдений, переживаний, чувств. Не ремесло надо дать ученикам, хотя и ремесло необходимо как профессионализм. Но этого еще очень мало. Нет, что-то более существенное делает человека художником. Свой дом, свой город, увиденный своим зрением, нарисованный своим пером.

Арно Моор показывает мне свой проект дома для художников. Это не просто здание творческого союза, клуба, где идут заседания, открывают выставки, ужинают в клубном ресторане. Нет, это что-то иное, напоминающее коммуну, перекликающееся с проектами архитекторов двадцатых годов, максимально стремившихся объединить людей. Проект задуман так, чтобы художники в этом доме чувствовали неназойливое, но стимулирующее присутствие друг друга. Архитекторы здесь будут трудиться рядом с художниками, проектировщики с исполнителями, движение художественной идеи будет зримым от замысла к исполнению. От эскиза к окончательному варианту.

Моор говорит об идее такого комбината искусств с необычайным увлечением, чувствуется, что идея этого дома выстрадана им. Он убежден в необходимости контактов, творческого взаимодействия живописи и графики, архитектуры и скульптуры. Лицо его молодеет, он говорит с удивительным для него, спокойного, даже чуть меланхоличного, энтузиазмом.

А я думаю о молодости. Вечной молодости нет даже в искусстве. Старится человек, по-другому воспринимает мир, его взгляд иной, чем взгляд юноши, который еще не знает, чем «платят за дебют». Но, став зрелым, художник открывает то, чего не видит молодость.

Он видит старика, одиноко сидящего на скамье, долгую дорогу жизни, мужество преодоления. И сам он не теряет интереса к человеческой жизни. Старость его включает все то, что им прожито: в ней молодость, взлет, зрелость и новая зоркость глаза, умудренного опытом.

Берлин — Москва.



СЛОВО О НИВХАХ

Имя Владимира Санги, основоположника нивхской литературы, хорошо известно читателям и литературной общественности. Его произведения открыли нам душу и сердце древнейшего народа Дальнего Востока, ввели в мир живописного нивхского фольклора, его герои живут и действуют в удивительном единстве с тайгой, ее фауной, ее тайнами и красотой. О творчестве Санги написано немало, однако интерес литературоведов к нему не ослабевает. Пример тому — книга Леонида Ханбекова.

Автор не повторяет уже известное, а исследует творчество Санги на фоне ускоренного развития младописьменных советских литератур. В первой главе книги, насыщенной отрывками из нивхских легенд, мифов и сказок, мы знакомимся с ранним этапом творчества писателя. Здесь убедительно показано, что Санги — в отличие от прежних исследователей нивхского фольклора — высветил его изнутри. Художественная обработка устного творчества нивхов — несомненно, одна из главных заслуг писателя.

Привлекает внимание глубокий анализ критиком центральных персонажей известного романа Санги «Ложный гон» (юноша Пларгун, опытный промысловик Нехан, следопыт дед Лучка). Не менее интересен и анализ исторического романа Вл. Санги «Женитьба Кевонгов», в котором объемно выписан старейшина рода — Касказик. Можно вполне согласиться с выводом Л. Ханбекова о том, что в «галерею колоритнейших национальных типов, таких, как арсеньевский гольд Дерсу Узала, фадеевский удэге Сарл, федосеевский эвенк Улукиткан, мы можем с полным на то основанием внести и нивха Касказика, созданного Владимиром Санги». Роман «Женитьба Кевонгов» — «свидетельство роста многонациональной советской литературы, решительно поднимающей на свой уровень младописьменные литературы».

Со страниц книги перед нами объемно встает фигура первого писателя-нивха, самобытного художника слова, филолога, талантливого пропагандиста национальных литератур, знатока природы, сообщающего читателю интереснейшие подробности о фауне и флоре Сахалина, Курил, Камчатки, Чукотки.

Есть в книге и отдельные просчеты — традиционность изложения в некоторых главах, известная перегрузка текста цитатами из произведений Санги. Но в целом не это определяет лицо книги Л. Ханбекова. Она написана хорошим языком, читается с интересом и содержит новые мысли о творчестве выдающегося нивхского писателя.

А. КОЛПАКОВ

Л. Х а н б е к о в. Открытое сердце народа. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1978. 120 стр.



В. Гаврилов. 1923—1970. ПЕСНЯ СЛЫШИТСЯ.

Н. Ромадин. Род. 1903. НАЧАЛО МАЯ.

Е. Зверьков. Род. 1921. СЕВЕРНАЯ ВЕСНА.

Николай ТИХОНОВ

СООБЩА МЫ ПОБЕДИМ!

«Нет — бюджетам войны!», «Да — бюджетам мира!» — в этих понятных всем лозунгах — смысл благородной деятельности всемирного движения сторонников мира, зародившегося в те напряженные годы, когда человечество, только что избавившись от ужасов самой страшной в своей истории войны, оказалось перед угрозой нового катаклизма. Игнорируя волю народов к завоеванному столь дорогой ценой миру (во второй мировой войне погибло 50 миллионов человек, 20 миллионов из которых были сыновьями и дочерьми советского народа), империалисты вновь бряцали оружием, атомным на сей раз, намереваясь силой изменить ход истории, ликвидировать складывающееся в пользу прогресса, социализма и мира новое соотношение сил на нашей планете.

Именно тогда, в апрельские дни 1949 года, в Париж и Прагу, минуя полицейские рогатки, злобную травлю буржуазной пропаганды, прямые репрессии, прибыли сотни посланцев всех континентов, чтобы провести в этих европейских столицах первый Всемирный конгресс сторонников мира, положивший начало массовому антивоенному движению мировой общественности. Отмечая тридцатилетие этого исторического события, люди доброй воли с глубокой признательностью вспоминают тех, кто стоял у колыбели движения за мир во всем мире.

Видную роль в движении, охватившем ныне все континенты, сыграл стойкий борец за мир и дружбу между народами, бессменный председатель Советского комитета защиты мира, выдающийся советский писатель и общественный деятель Николай Семенович Тихонов. Сегодня, в преддверии праздника Первомая — Дня международной солидарности трудящихся, мы перепечатываем его последнюю статью, посмертно опубликованную в журнале «Век XX и мир».

* * *

Всемирное движение сторонников мира, возникшее 30 лет назад, было острой и насущной необходимостью, осознанной и прочувствованной миллионами мужчин и женщин во всех концах света. Тревога за только что обретенный мир, непреклонное стремление отстоять и укрепить его побудили людей сплотиться в едином порыве, в основе которого лежала мысль, четко сформулированная Фредериком Жолио-Кюри на первом Всемирном конгрессе сторонников мира: «Один народ, отдельная личность не в состоянии устранить угрозу войны. Только совместные усилия народов всех стран позволят достигнуть этой цели».

Самые разные люди собрались весной 1949 года в Париже и Праге. На разных языках звучали их призывы к миру. Но если попытаться коротко выразить суть всех речей, документов и резолюций, произнесенных и принятых на конгрессе, то ее можно свести к следующему: «Мира не ждут, мир завоевывают!»

Этот боевой лозунг предопределил активный, наступательный, антиимпериалистический характер нового общественного движения, которому суждено было стать самым массовым движением современности.

Его актуальность и широта привлекли в ряды защитников мира представителей всех слоев населения, многих партий, профсоюзных, женских и молодежных организаций, людей разных взглядов и верований.

Оглядываясь на тридцатилетний путь движения, на события, ставшие уже достоянием истории, мы с новой силой убеждаемся в том, сколь значителен его вклад в построение нынешнего и будущего здания прочного мира. По призыву Всемирного Совета Мира 500 миллионов человек в 1950 году поставили свои подписи под первым Стокгольмским воззванием за запрещение атомной бомбы. Это подготовило почву для нынешней всемирной кампании за решение самой насущной проблемы человечества — разоружения. Второе Стокгольмское воззвание — 1975 года — подписало 700 миллионов. Но как ни внушительны эти цифры, гораздо внушительнее другое: они отражают волю миллионов не допустить применения оружия массового уничтожения, преградить путь войне.

600 миллионов человек, более половины взрослого населения земли, выступившие в 1951 году за заключение Пакта мира между пятью великими державами, несомненно, помогли созданию политического климата, в котором возникли предпосылки для нынешнего процесса международной разрядки.

Эхо грандиозного движения солидарности с Вьетнамом, боровшимся против американской агрессии, слышится сегодня в мощном движении солидарности с патриотами Чили, с борцами за освобождение Южной Африки, с жертвами израильской агрессии на Ближнем Востоке.

Я называю только наиболее впечатляющие акции сторонников мира. Но все тридцать лет наше движение день за днем боролось и действовало, призывало к борьбе широчайшие народные массы, не оставляя без внимания ни одного события, представляющего угрозу делу мира. Смело можно сказать, что участие в движении за мир миллионов изменило нравственный облик людей, укрепило в них сознание гражданственности, веру в свои силы, в сплоченность. Оно вселило в них радостное сознание того, что во всех концах света люди доброй воли одинаково стремятся к миру, что они, несмотря на преграды, возводимые силами милитаризма и реакции, полны решимости действовать сообща и совместными усилиями отстоять мир на земле.

Мир — основа жизни Советского государства и всего советского народа. Страна Советов, Коммунистическая партия верны политике мира и дружбы между народами, провозглашенной в знаменитом ленинском Декрете о мире, вышедшем сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Величественная Программа мира, принятая XXIV и развитая XXV съездом КПСС, положила начало развитию позитивных процессов в международных отношениях и мировой политике.

Конструктивные миролюбивые инициативы, с которыми настойчиво выступает Советский Союз вместе со своими друзьями и союзниками — странами социалистического содружества, неизменно обретают поддержку прогрессивных сил планеты и являются фундаментом борьбы за решение кардинальных проблем современности.

Советские люди — интернационалисты по духу — приняли самое живое и активное участие в движении в защиту мира. Вскоре после конгресса, 25 августа 1949 года, в Москве состоялась Всесоюзная конференция советских сторонников мира, на которой был образован Советский комитет защиты мира. По инициативе общественности были созданы местные комитеты защиты мира — в республиках, краях и областях страны.

В СССР движение сторонников мира пользуется поддержкой всего советского народа. За короткое время оно выросло в авторитетную и влиятельную общественную организацию, способствующую воплощению в жизнь миролюбивой политики партии и Советского государства, консолидации усилий общественности в борьбе против опасности новой мировой войны...

...Путь, который прошло всемирное движение сторонников мира за тридцать лет, был нелегким. Были на этом пути не только победы. Были трудности, сомнения, преграды. И величайшая заслуга движения, его боевого штаба — Всемирного Совета Мира состоит в том, что оно с честью выдержало все испытания, укрепило и расширило свои ряды, стало самым массовым движением современности.

При всем этом мы не вправе ни на минуту забывать о том, что враги мира и прогресса народов не унимаются. Они упорно цепляются за прошлое, не оставляют надежд отбросить человечество к печальным временам «холодной войны». Вопреки здравому смыслу силы милитаризма продолжают форсировать гонку вооружений, противятся разрядке, мирному сотрудничеству и взаимопониманию между странами и народами, пытаются путем подкупа, обмана и силы задушить национально-освободительную борьбу народов. Вместе с «ястребами» империализма, пытающимися прикрыть свои коварные замыслы затасканным мифом о «советской угрозе», опасные авантюры вынашивают нынешние правители Пекина. В ряде районов планеты — на Ближнем Востоке, на юге Африки, в Индокитае, в Латинской Америке тлеют очаги, представляющие опасность для судеб мира.

Сегодня, как и тридцать лет назад, сторонники мира решительно выступают за решение разногласий и споров мирными средствами, за столом переговоров. Политическая атмосфера и равновесие сил, сложившееся в современном мире, опыт последних лет показывают, что единственно верный путь к прогрессу — мирное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество государств с различными социальными системами. Другого не дано. Заставить империализм отказаться от военных приготовлений, прекратить гонку вооружений, испытания и создание новых видов ядерного оружия массового уничтожения, в том числе и нейтронной бомбы, — главная задача сторонников мира в борьбе за предотвращение угрозы термоядерной войны.

В эти дни мы испытываем законную гордость в связи с тем, что поднятое тридцать лет назад основателями нашего движения голубое знамя с изображением символа мира — голубя мира Пикассо — знамя сторонников мира, гордо реет над планетой. Оно говорит нам о том, что битва за мир продолжается, что решающее сражение впереди.

Я надеюсь и верю, что, укрепляя единство и сплоченность нашего движения, вовлекая в ряды сторонников мира новые и новые миллионы, действуя совместно со всеми миролюбивыми силами планеты, мы преградим путь новой мировой войне. Воля народов к миру неодолима. Сообща мы победим!

См. стр. 7

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР—СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР


А. А. КОКАРЕВ. Председатель Государственного комитета СССР по материальным резервам.


В. Г. ЛОМОНОСОВ. Председатель Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам.


Н. Т. ГЛУШКОВ. Председатель Государственного комитета СССР по ценам.


А. А. БУЛГАКОВ. Председатель Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию.


С. Г. ЛАПИН. Председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.


Ф. Т. ЕРМАШ. Председатель Государственного комитета СССР по кинематографии.


Ю. В. АНДРОПОВ. Председатель Комитета государственной безопасности СССР.


А. А. ЕЖЕВСКИЙ. Председатель Государственного комитета СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства.


М. С. СМИРТЮКОВ. Управляющий делами Совета Министров СССР.


В. С. АЛХИМОВ. Председатель правления Государственного банка СССР.


Л. М. ВОЛОДАРСКИЙ. Начальник Центрального статистического управления СССР.


А. М. ШКОЛЬНИКОВ. Председатель Комитета народного контроля СССР.


А. Н. АКСЕНОВ. Председатель Совета Министров Белорусской ССР.


Н. Д. ХУДАЙБЕРДЫЕВ. Председатель Совета Министров Узбекской ССР.


Б. А. АШИМОВ. Председатель Совета Министров Казахской ССР.


З. А. ПАТАРИДЗЕ. Председатель Совета Министров Грузинской ССР.


А. И. ИБРАГИМОВ. Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

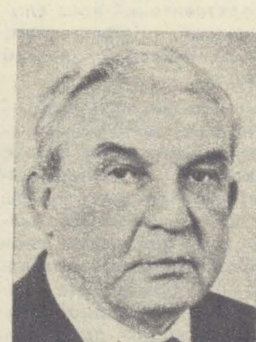

И. А. МАНЮШИС. Председатель Совета Министров Литовской ССР.


С. И. ИБРАИМОВ. Председатель Совета Министров Киргизской ССР.


Р. НАБИЕВ. Председатель Совета Министров Таджикской ССР.


Ф. Т. САРКИСЯН. Председатель Совета Министров Армянской ССР.


Ч. С. КАРРЫЕВ. Председатель Совета Министров Туркменской ССР.


В. И. КЛАУСОН. Председатель Совета Министров Эстонской ССР.



Б. И. СТУКАЛИН. Председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.



Г. И. ВОРОБЬЕВ. Председатель Государственного комитета СССР по лесному хозяйству.



М. С. СОЛОМЕНЦЕВ. Председатель Совета Министров РСФСР.



А. П. ЛЯШКО. Председатель Совета Министров Украинской ССР.



С. К. ГРОССУ. Председатель Совета Министров Молдавской ССР.



Ю. Я. РУБЭН. Председатель Совета Министров Латвийской ССР.



Л. Н. СМИРНОВ. Председатель Верховного Суда СССР.



Р. А. РУДЕНКО. Генеральный прокурор СССР.

НАС 262 442 000!

Подведены предварительные итоги Всесоюзной переписи: численность населения Советского Союза на 17 января 1979 года составила 262 миллиона 442 тысячи человек. Перепись проводилась путем опроса населения счетчиками с 17 по 24 января. В ходе переписи и после нее состоялись контрольные проверки, они дополнительно учли более трехсот тысяч человек. Подробные данные переписи разрабатываются по установленной программе Центральным вычислительным центром ЦСУ СССР. Но уже сейчас получены данные, представляющие большой интерес. За годы Советской власти образованы 1174 города. До 1917 года городов с населением более полумиллиона жителей было только два, а сейчас их сорок пять, из них восемнадцать — с населением более миллиона человек. Городское население увеличилось с 1970 года на 27,6 миллиона, а численность сельского населения сократилась на 6,9 миллиона человек. Постепенно сокращается разрыв численности мужчин и женщин, в возрастах до 50 лет соотношение их в основном выравнялось. А главный итог: нас, жителей Страны Советов,— более 262 миллионов!

МОСТ ДРУЖБЫ ВЛАДИВОСТОК—ХАЙФОН

Утром 21 апреля вместе с моряками, докерами, рабочими и служащими Дальневосточного морского пароходства я шел по причалам торгового порта и искал глазами «Оршу» или «Толю Шумова». Эти теплоходы должны были в день коммунистического субботника досрочно принять груз и вечером сняться курсом на Хайфон. Следом за ними к берегам героического Вьетнама отправятся «Переславль-Залесский» и «Орехов». Они покинут бухту Золотой Рог, чтобы бросить якоря в устье Красной реки.

Отсюда, от причалов Владивостокского морского торгового порта, моряки перекинули мост дружбы к берегам Социалистической Республики Вьетнам. Бесперебойным потоком пойдут грузы братской помощи стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи Вьетнаму.

Праздник труда в порту начался ровно в восемь часов с короткого митинга, который состоялся на причале, где стояла «Орша». Недолгими были речи рабочих. Бызывала слова одобрения воля народа передать три четверти средств, заработанных на субботнике, в фонд помощи Вьетнаму.

Следом за докерами из бригады Героя Социалистического Труда В. А. Бокиевца поднимаюсь на борт «Орши». Экипаж теплохода участвует в субботнике, помогает загружать судно. Более 180 автомобилей завода имени Лихачева приняла в трюмы «Орша», сверху, на палубе, закрепляются железнодорожные пассажирские вагоны.

21 апреля был праздник труда и в Хайфоне: плечом к плечу с вьетнамцами здесь работали докеры-дальневосточники и экипаж советского теплохода «Ольга Андровская». На это судно было погружено свыше 4 тысяч важных народнохозяйственных грузов.

В. Кузнецов, собкор «Огонька»
Фото автора

21 апреля, порт Владивосток. Загружается теплоход «Орша».



АФГАНИСТАН НА НОВОМ ПУТИ



Юрий КОРНИЛОВ

В центре Кабула, на площади перед бывшим королевским дворцом, переименованным ныне во Дворец народа, стоит на белокаменном постаменте тяжелый танк. Год назад этот танк первым ринулся на штурм дворца — оплота тиранической династии Надиров; ныне, поднятый на мраморный пьедестал, он стал памятником павшим, символом их революционного мужества.

Афганская революция молода — 27 апреля она отметила свою первую годовщину. Год — срок небольшой, но какие зримые, разительные перемены произошли и за это короткое время на древней афганской земле! Широкая программа революционных преобразований, разработанная ЦК НДПА и правительством ДРА и направленная на то, чтобы навсегда покончить с пережитками феодализма, с угнетением и эксплуатацией трудового народа, вырвать страну из тисков вековой отсталости, из пут нищеты,— вот стержень всей общественно-политической жизни сегодняшнего Афганистана.

Афганистан — аграрная страна, едва ли не 90 процентов его 18-миллионного населения — это жители деревень. На протяжении веков неограниченным властителем в афганской деревне был помещик-феодал, в руках которого находились сами источники жизни — земля и вода. Революция взорвала старые, враждебные народу порядки. Принятый ЦК НДПА и Революционным советом указ № 8 провозгласил революционный принцип: землю — тем, кто ее обрабатывает! Осуществляя аграрную реформу, правительство только за период с января по апрель нынешнего года безвозмездно наделило землей более 132 тысяч безземельных и малоземельных крестьян и неимущих кочевников. Специальным указом 11,5 миллиона крестьян освобождены от долговой кабалы помещикам и ростовщикам. Тысячи земледельцев, получивших землю, объединяются в сельскохозяйственные кооперативы, которым государство предоставляет финансовую помощь, современные машины, удобрения, сортовые семена. Ныне осуществление земельной реформы вступило в заключительный этап. Как подчеркивает Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета ДРА Н. М. Тараки, завершение реформы будет означать, что в стране окончательно ликвидирован феодальный строй, покончено с многовековой несправедливостью и классовым гнетом в деревне.

Меняет облик афганское село — ставится на новый, современный фундамент и вся афганская экономика. Вступивший недавно в действие пятилетний план экономического и социального развития Демократической Республики Афганистан ставит целью создание условий для индустриализации страны, обеспечение существенного расширения и упрочения государственного сектора в экономике, резкий подъем уровня жизни народа. Значительное увеличение объема промышленного производства, повышение производительности труда, строительство крупных энергетических, металлургических, нефтехимических и других современных предприятий — таковы лишь некоторые ориентиры первой афганской пятилетки. Вместе с тем пятилетний план ДРА предусматривает широкий комплекс мер по повышению культуры народа, активизацию «священной войны» против неграмотности. Уже сегодня в стране создано и действует около 18 тысяч курсов по ликвидации неграмотности, на которых «тайной чтения» овладевает более 800 тысяч человек.

Создание современной экономики, приобщение сотен тысяч людей к культуре, к знаниям идут параллельно с другим не менее важным процессом — вовлечением миллионов трудящихся Афганистана в активную общественно-политическую жизнь. Афганский труженик впервые ощутил себя полноправным хозяином страны — и на предприятиях ДРА, в сельскохозяйственных кооперативах все ярче разгораются огни соревнования за досрочное выполнение пятилетки. Еще вчера афганский рабочий не знал, что такое профсоюз, а сегодня Союз рабочих ДРА объединяет свыше 170 тысяч тружеников. Еще вчера миллионы женщин-афганок были оттеснены от общественной жизни, а сегодня, став равноправными гражданками республики, они все более активно участвуют в революционном строительстве под боевым лозунгом «Долой неравноправие, гнет, долой чадру!».

Шаги афганской революции стремительны: каждый день приносит вести о ломке старых, прогнивших традиций, об утверждении в стране новых общественных отношений. Но чем очевиднее успехи афганского народа, тем ожесточеннее сопротивление контрреволюции. В афганском Комитете защиты революции нам показали груду оружия — автоматы, винтовки, пулеметы американского и китайского производства. Рядом — переносные рации, толстые пачки долларов и фунтов стерлингов, фальшивые паспорта. «Это оружие и шпионско-диверсионное оснащение изъято у врагов революции — у тех, кто пытался поднять вооруженный мятеж в Герате, у помещиков-феодалов, которых революция лишила их привилегий и богатств, у террористов из подпольной маоистской группировки «шолее джавид» и бандитов из реакционной организации «Братья-мусульмане», которых наш народ по праву окрестил «братьями дьявола»,— рассказывает один из руководителей комитета, Пируз Ахмади.

Советский Союз и Афганистан связывают давние дружественные, равноправные и добрососедские отношения. Подлинно народная апрельская революция, круто повернувшая многовековую историю Афганистана, укрепила эти отношения, привнесла в них дух товарищества, революционной солидарности, взаимной поддержки. В эти дни, когда дружественный Афганистан торжественно отмечает первую годовщину своей революции, советские люди еще и еще раз выражают свою солидарность с революционным народом ДРА, от души желают ему новых успехов в осуществлении целей и задач апрельской революции.

Кабул, апрель.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС «ПЕСНЯРОВ»

по просьбе читателей

интервью «огонька»

Несколько лет назад «Огонек» (№ 42, 1972 г.) рассказывал о белорусском ансамбле «Песняры». В этом году ему исполняется десять лет. На первый взгляд юбилей не очень большой, возраст, как говорится, «детский». Но для вокально-инструментального ансамбля этот возраст весьма значителен, особенно если учесть, какое огромное количество ВИА появилось за это время и как много их исчезло с эстрады и из памяти зрителей... «Песняры» — один из немногих «старожилов». Недаром наши читатели хотят еще раз встретиться с «Песнярами» на страницах «Огонька», поговорить о путях развития популярного сейчас музыкального жанра эстрады, «выведать» секрет их долголетия... Наш корреспондент Н. АЛЕКСЕЕВА встретилась с руководителем «Песняров», заслуженным артистом БССР Владимиром МУЛЯВИНЫМ.

— Владимир Георгиевич, в последнее время и критики, и композиторы, и музыканты наконец обратили свои взоры к вокально-инструментальным ансамблям. Стало ясно, несмотря на предсказания скептиков, что ВИА суждена долгая жизнь. А раз так, то деятелям искусства и культуры, широкой музыкальной общественности надо (и давно пора!) заботиться о повышении мастерства таких коллективов; о том, чтобы самый массовый среди молодежи жанр воспитывал ее вкусы на лучших достижениях и традициях советского искусства.

— Да, наверное, для многих ВИА наступают новые времена. Но жалко, что «детство» этого жанра проходило по большей части беспризорно. Некому было сразу направить тот или иной, только что родившийся «гитарно-ударный» коллектив в нужное русло, подсказать, помочь. И вот результаты — не самые благополучные: многие ВИА, музыкальные детища своего времени, сильно задерживаются в развитии. Подражая друг другу, они перепевают форсированными голосами одни и те же крикливые песенки. Я часто не могу отличить один коллектив от другого. Но более всего режет слух небрежное отношение к родному языку. Подчас создается впечатление, что поют иностранцы с сильным английским акцентом. Страшная вещь!..

— Вы называете это явление «затянувшимся детством», а причины самые разные: отсутствие внимание и заинтересованности со стороны концертных организаций, недостаток квалифицированных кадров для ВИА, в том числе и художественных руководителей; и нехватка хорошей музыкальной аппаратуры и так далее. Ну а в том редком, как, например, ваш, случае, когда сравнительно быстро удалось обрести и соединить все компоненты, необходимые для нормальной работы творческого коллектива,— каковы же были этапы роста, «взросления»? И куда сейчас идут «Песняры»?..

— Можно понять «взрослеть» как «стареть», а это не для нас! «Зреть» — вот это, пожалуй, мне нравится больше. Но, честно говоря, вы задали нелегкий вопрос: мы сами-то не задумывались над этим как следует, не подводили итогов. Мы просто стремились не останавливаться. Не повторяться.

— Очевидно, слушатели тоже играли здесь какую-то роль? Их запросы со временем возрастают, меняются. Хотите вы или нет, но вам ведь надо ориентироваться на них, считаться с ними?

— Конечно! Но в то же время была опасность пойти на поводу у определенной части публики, которая ждет только легкого развлечения. А это не дело!.. Что же касается серьезного, взыскательного слушателя, то он не всегда точно знает, чего хочет. Но всегда ждет от нас н о в о г о. Вот в этом мы стараемся, как вы сказали, «ориентироваться» на слушателя. Мы не пытаемся быть сверхоригинальными. Но стараемся делать то, чего нет в других коллективах — и в аранжировке, и в мелодике, и в вокальных партиях. Никого не имитировать, оставаться самими собой — наша первая заповедь.



Владимир Мулявин.

— И все-таки, хотя вы для себя еще не подвели творческих итогов, нам, слушателям, заметна вполне определенная тенденция на вашем пути к зрелости: постепенное усложнение и укрупнение музыкальных форм, нередко обретающих и симфоническое, и оперное звучание. Как, к примеру, ваша большая работа «Песня о доле». Или последняя — целое концертное отделение — композиция «Гусляр» на музыку Игоря Лученка, в литературную основу которой легла поэма Янки Купалы «Курган»...

— Для нас было бы проще простого петь по сию пору только песни и ни о чем другом не думать. Но... Не то, чтобы мы стали задыхаться в «малых» формах,— просто ансамбль созрел для большой, масштабной работы. Мы никогда не шли по пути бездумного увеселения публики. Вы знаете нас очень давно и заметили, наверное, что просто веселых песенок у нас было очень мало. Большая часть — балладные произведения. В них надо было вложить труд каждого участника ансамбля.

Но как бы новы и сложны ни оказались наши следующие программы, мы неизменно останемся верны народной мелодике. Популяризация языка, песни народной — это и есть идея ансамбля. Ради нее мы собрались, ради нее существуем. В ближайшей своей программе хотим показать настоящую обрядовую песню, белорусские народные праздники. И это будет не просто набор песен, а театрализованный концерт,— с костюмами и текстом. При этом необходимо избегать другой крайности. Некоторые ВИА, увлекаясь поиском новых форм, превращаются чуть ли не в целый театр... На эстраде уже не определенный вокально-инструментальный ансамбль, а театральная труппа с совершенно другими, другого рода задачами и исполнителями.

В принципе мы за театрализованность программы. Но в основе все-таки должен оставаться ВИА. Ведь люди приходят **слушать** именно «песняров» — Борткевича, Кашепарова...

— Но по сравнению с началом количество участников ансамбля сильно увеличилось: сейчас у вас четырнадцать человек...

— Это связано с усложнением инструментовки новых работ. И еще с тем, что мы выступаем с большими сольными концертами. Слушать три часа одного и того же певца все-таки тяжело. Или же певец должен быть прекрасным актером, мастером. У нас другие задачи. Мы прежде всего музыканты. А у меня новые ребята еще и хорошо поют, так что мы можем варьировать, разнообразить подачу песни.

— Насколько я знаю, у вас нет трудностей с репертуаром народных песен. В Белоруссии собрана и издана целая антология. К сожалению, в России таких сборников русских песен не найдешь... Но, кроме народных, вы, естественно, включаете в свою программу и произведения нынешних композиторов, сочиняете сами. Наверняка тут вам нелегко? Ведь «Песняры», пропагандирующие народные шедевры, должны с особой осторожностью и требовательностью подходить к отбору современных музыкальных произведений?

— Вы правы. Счастлив тот ансамбль, который связан с композиторами, учитывающими индивидуальность коллектива. Нам и тут повезло: многолетнее сотрудничество с Лученком рождает именно н а ш и песни — выстраданные, выношенные вместе...

К сожалению, некоторые композиторы, начавшие работать для ВИА, порой ориентируются только на ожидаемую слушателями развлекательность. Появляется масса похожих друг на друга песен в репертуаре ВИА: нечто «среднеарифметическое», без учета художественной специфики конкретного ансамбля. Получается, будто исполнители поют на одну мелодию, только подставляя другие слова. (Правда, и слова-то поражают иногда похожестью, а то и отсутствием смысла.) Нередко по этой причине участники ансамбля пытаются сами сочинять музыку. Но ведь они не всегда обладают необходимым композиторским мастерством. А кроме того, забывают: не все, что сочинишь сам — даже если получилось очень здорово и рождено не из-за отсутствия репертуара, а по вдохновению,— подходит именно твоему ансамблю...

Сам я пишу много песен. Но почти все они лежат. Не подходят к нашему стилю! Когда на сцене поешь не ту песню, то чувствуешь себя так — и во многом благодаря реакции слушателей,— словно надел не свой костюм... К нам пришли сейчас ребята из консерватории, очень способные, сочиняют музыку; и я очень этому рад, потому что больше всего на свете боюсь повториться, ведь раньше писать и аранжировать музыку приходилось одному. Сейчас моя задача — развить именно их своеобразие, их индивидуальности, но — в струе «Песняров»; пока многое из того, что они сочиняют, еще не **наше**...

— В почте «Огонька» нам встретились письма, где читатели выражали некоторое беспокойство по поводу нынешнего вашего положения. Например, Е. Черноколова из Севастополя пишет: «...Был заключительный вечер «Песня-78», а ансамбля «Песняры» там почему-то не было. Всегда были, а в этот раз не было... у нас в Севастополе легче достать новый диск «Бони М», чем одну новую песню (в записи) «Песняров»... Такое впечатление, что ансамбль уже не выступает...» Возможно, отсутствие ваших последних пластинок в Севастополе объясняется вашей же популярностью. А вот что касается телевидения, то, по-моему, вы действительно стали реже появляться на голубых экранах.

— Мы ведь все время на гастролях. Дома-то почти не бываем, не то что в студии Останкино! Даже новые вещи репетируем в поездках, нередко по ночам после концерта...

Но причина не только в этом. Мы, признаться, такие «актеры», которые плохо работают под фонограмму, что приходится делать на телевидении. И тут мы выступаем хуже обычного, скованнее да и смотримся неинтересно. Мы привыкли непосредственно видеть, чувствовать слушателей. Повторяю, мы в большей степени музыканты, чем актеры.

— ВИА по-прежнему возникают, как грибы после дождя. Как вы считаете, с чем все-таки должен выходить новый ансамбль к слушателю, о чем думать прежде всего?

— У каждого ансамбля, помимо профессионального мастерства, непременно должна быть своя идейно-творческая платформа: она и поможет найти форму, определиться в стремительном музыкально-эстрадном потоке. Надо искать свой путь! Возможности ВИА далеко не исчерпаны. Мы убедились в этом на примере лучших коллективов, сумевших найти гармоничное сочетание элементов джаза и рока, языка современной эстрады с оперными классическими формами, сумевших театрализовать исполнение песен. С радостью отмечу, что народная, фольклорная музыка привлекает сейчас все большее внимание ансамблей.

— Ваш коллектив внес сюда немалый вклад.

— Хочется верить...

— Обычно во время встреч со зрителями вы выслушиваете их многочисленные замечания и пожелания. Интересно, что бы вы, в свою очередь, хотели пожелать слушателям?

— Только одного: быть к нам требовательными. Я не рисуюсь. Трудный успех ведет к поиску и, значит, продлевает жизнь вокально-инструментального ансамбля.



Выступают «Песняры».

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ХОККЕЙ СЧЕТ ЛЮБИТ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Дотошные статистики подсчитали: сборная СССР на двадцати четырех чемпионатах мира забила 1431 шайбу, а пропустила только 380. И вот после трех предварительных и трех финальных игр нынешнего чемпионата к этим цифрам мы смогли прибавить еще две: 46 забитых шайб и 11 пропущенных.

...Когда пишутся эти строки, 46-й мировой чемпионат движется к финишу. И хоть двухнедельное путешествие еще не завершилось, уже совершенно ясно, кому оно будет особенно приятным.

В путь, как известно, отправились восемь команд, и хоть все они не новички, лишь пятерым из них удавалось завершать турниры победами. Американцы дважды поднимались на верхнюю ступеньку пьедестала почета, шведы — три, а чехословаки — пять раз. Зато канадцы — участники тридцати пяти мировых первенств — девятнадцать раз праздновали победу, и к их результатам близка лишь одна команда — сборная СССР. Но советские хоккеисты значительно позже включились в борьбу на самом высоком уровне, лишь в 1954 году, и за это время уже пятнадцать раз получали золотые медали.

Это не значит, что путь советских хоккеистов на мировых первенствах был легким. После своей первой победы в Стокгольме и успеха на Белой Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо они пять раз не поднимались на высшую ступеньку пьедестала почета. И только освоив все секреты этой сложной, увлекательной игры, смогли провести свою знаменитую серию из девяти побед. В последние годы сборная СССР только дважды уступала свой титул и оба раза чехословацким хоккеистам, но в 1978 году на их льду, в Праге, вернула его себе.

Да, хоккей счет любит, и цифры могут нам раскрыть не только подноготную всех табелей о рангах, но и характер той или другой команды, ее достоинства и недостатки. Так, Ян Старши, тренер чехословацкой команды, после сенсационной ничьей 3:3 со шведской сборной заявил, что шведы легко проиграли команде СССР в предварительных соревнованиях, потому что хотели сберечь силы для борьбы с его питомцами. Такой психологический нюанс, такое коварство шведов могли показаться реальными, хотя шведы и отрицали наличие подобного расчета. Но чем тогда объяснить ничью во встрече чехословацкой и американской команд? В предварительном турнире этот матч закончился, как известно, со счетом 2 : 2, вызвав растерянность среди журналистов.

Так или иначе, выступление молодой сборной Швеции озадачило многих. Исход ее встречи с хоккеистами ЧССР объяснить было нелегко, и «психологи» высказали мнение, что это хитроумный ход чехословацких тренеров, которые решили усыпить бдительность советских хоккеистов, с которыми их команде предстояла скорая встреча. Зато «техники» обращали внимание на то, что знаменитые чехословацкие хоккеисты провели матч словно во сне, добились ничьей лишь на последних секундах, и что очень неудачно выступало сильное молодое звено, составленное из братьев Петера, Мариана и Антона Штястны, и только тройка Ивана Глинки действовала, как всегда, в полную силу. Мы же, наблюдая неожиданное развитие событий в матче Чехословакия — Швеция, думали вот о чем: какую же силу представляла бы из себя шведская сборная, если бы 17 ее игроков, выступающих сейчас в различных клубах НХЛ — профессиональной канадской лиги, выступали бы за свою страну?

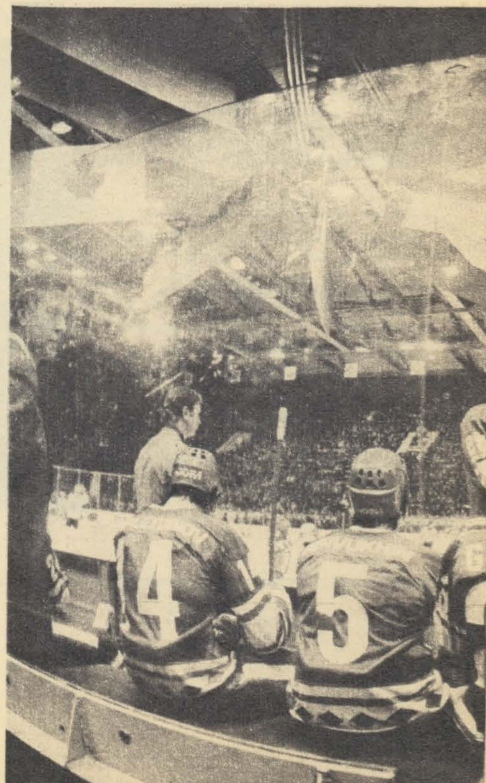
Поистине непостижим парадокс, который каждый год преподносят нам руководители НХЛ. Рассматривая чемпионат мира как биржу для отбора и пополнения своих команд, хозяева НХЛ систематически ослабляют класс европейского хоккея и, одновременно с этим усиливая свой хоккей, присылают на мировые первенства команды, составленные далеко не из лучших игроков. Видимо, хозяев НХЛ больше заботят кассовые сборы, чем победы на первенствах мира. Вот и на сей раз в Москву приехала команда, составленная почти сплошь из молодых хоккеистов клубов, замыкающих турнирную таблицу, как их называют в Канаде, «концевых». Средний возраст канадской команды — 24 года. Ее победа над сборной США и Финляндии, конечно, успех команды, но вряд ли кто-нибудь мог считать, что канадская сборная в таком составе может претендовать на первую или вторую ступеньку пьедестала почета. Но это, судя по всему, руководство НХЛ ничуть не беспокоит.

Таковы на сегодняшний день взаимоотношения европейского и канадского хоккея, и даже поражение в Нью-Йорке команды НХЛ, составленной из сильнейших хоккеистов, понесенное от советской сборной, не заставило хозяев НХЛ пересмотреть свой принцип, что не хоккей, а деньги счет любят. И в Москву прибыли скауты из многих канадских клубов (так за океаном называют селекционеров), которые внимательно изучают возможности молодых шведских и финских хоккеистов, и в ложе прессы разгорелся спор, сколько пройдет недель до того дня, когда девятнадцатилетний шведский вратарь Пер Линдберг подпишет свой профессиональный контракт. Конечно, заключение таких контрактов, да еще в таком количестве, не может не сказаться на качестве игры шведской и финской сборных, а стало быть, и на качестве мировых первенств.

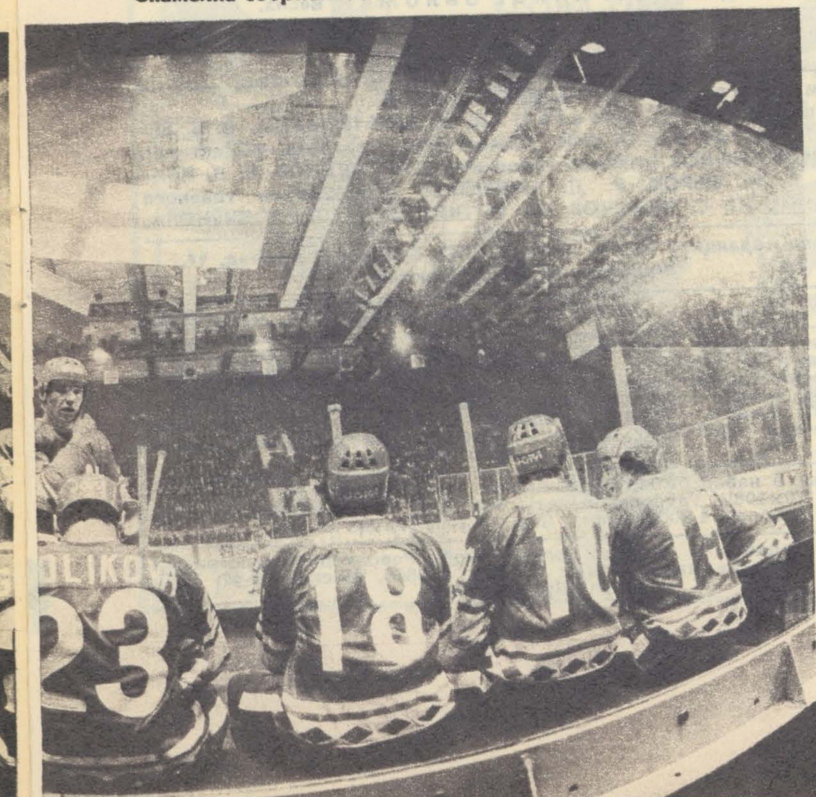
Только две команды Европы — сборные СССР и Чехословакии — твердо придерживаются принципа, что хоккей — это спорт, а не театральное зрелище, и первая встреча этих двух команд на чемпионате мира в Москве представляла главный и особый интерес. И не только для европейских любителей и знатоков хоккея, но и канадских. После сенсационной победы сборной СССР в Нью-Йорке над командой «звезд» никто уже не может отрицать, что европейский хоккей по своему классу превзошел хоккей канадский. 40 канадских журналистов прессы и телевидения съехались в Москву, и в эти дни события на Кубке Стэнли отошли на второй план. Но как же тогда можно объяснить результат первой встречи команд СССР и Чехословакии, если это команды равноценного класса? Две цифры — 11 : 1 — результат этого матча. Не говорят ли они о том, что чехословацкая сборная не смогла сохранить свои силы? Не говорит ли этот исход о том, что две ничьи чехословацких хоккеистов не психологический трюк, а результат ослабления команды?

Ответы на эти вопросы мы сможем получить только после 27 апреля, когда мировой чемпионат в Москве завершится. Сегодня же, когда пишутся эти строки, не сыграно еще несколько важных матчей. Однако уже сегодня ясно, что хоккеисты сборной СССР не случайно добились своих блестящих побед: в Москве, в первом матче со сборной ЧССР, и в Нью-Йорке, о чем убедительно напомнил торжественный ритуал вручения «Кубка вызова». Не идем ли мы к тому дню, когда хоккей с шайбой будет называться не канадским хоккеем, а советским?

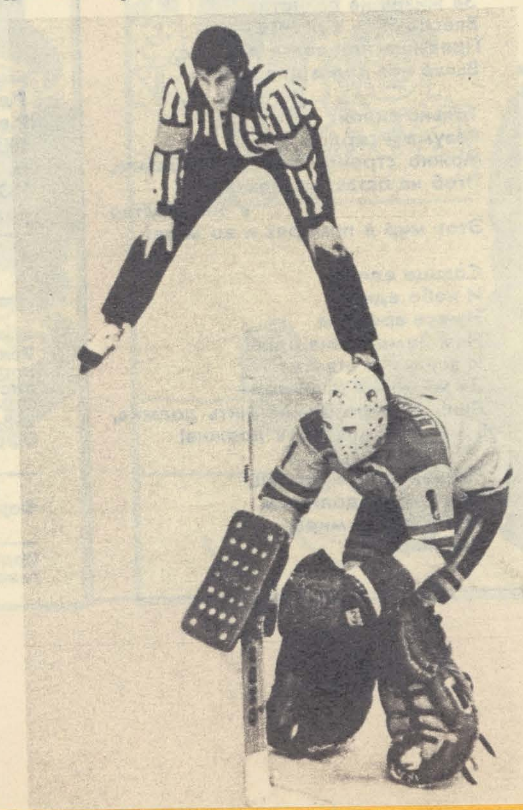
Гол в воротах чехословацкой сборной. **На снимке:** А. Голиков, Иржи Бубла и В. Голиков.



Скамейка сборной СССР.



Восходящая звезда шведского хоккея — вратарь Пер Линдберг.



«Кубок вызова» на московском льду. В. Васильев и Б. Михайлов демонстрируют почетный приз зрителям.



Resoluto con moto

1. Ра-ди жизни и во имя счастья, люди, не забудьте ни на миг: только силой братства и со-гласья я можем мы от войн избавить мир! Солн-це еди-но и не-бо едино, на все времена нам Земля дана одна! И каждый в ответе за жизнь на планете, и с каждого спросит-на, с каждого спросит она! 2. 3. нас, выше нет долга для нас! Песней наших сердец, гимном неодоли-мым звучи, голос ми-ра, над ми-ром!

ПЕСНЕЙ НАШИХ СЕРДЕЦ

Стихи
Льва КРОПОТКИНА

Музыка
Леонида ПЕЧНИКОВА

Ради жизни
И во имя счастья,
Люди, не забудьте ни на миг:
Только силой братства и согласья
Можем мы от войн избавить мир!

Солнце едино,
И небо едино,
На все времена
Нам Земля дана одна!
И каждый в ответе
За жизнь на планете,
И с каждого спросит она,
С каждого спросит она!

Голос мира —
Это миллионы
Добрых материнских голосов.
Это нашей правдой окрыленный
Голос всех пяти материков.

Солнце едино,
И небо едино,
И в мире едином
Нам дорог каждый час.

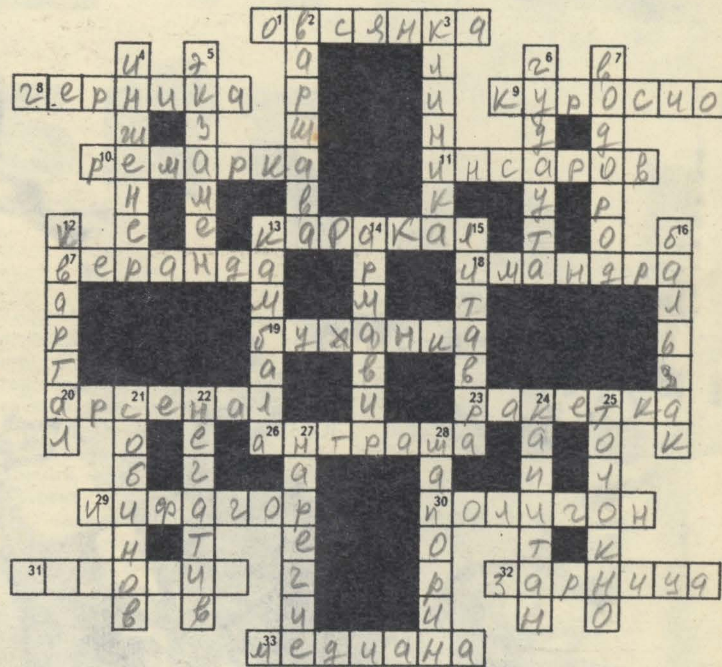
За жизнь на планете
Всегда быть в ответе —
Превыше нет долга для нас,
Выше нет долга для нас!

Только силой
Разума и сердца
Можно строить счастье на Земле,
Чтоб не оставлять векам
в наследство
Этот мир в пожарах и во мгле!

Солнце едино,
И небо едино,
На все времена
Нам Земля дана одна!
И все мы в ответе
За жизнь на планете —
Лишь в мире Земля жить должна,
В мире Земля жить должна!

Песней наших сердец,
Гимном неодолимым
Звучи, голос мира,
Над миром!

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Птица отряда куликов. 8. Кустарничек семейства брусничных. 9. Теплое течение Тихого океана. 10. Примечание автора в тексте пьесы. 11. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 13. Степная рысь. 17. Крытый балкон, терраса. 18. Озеро в Мурманской области. 19. Хлебное изделие. 20. Опера Г. И. Майбороды. 23. Спортивный инвентарь. 26. Прыжок в балете. 29. Древнегреческий философ и математик. 30. Участок суши или моря, оборудованный для учебных стрельб. 31. Средний каменный век. 32. Отблеск молнии дальней грозы. 33. Отрезок прямой, соединяющей вершину треугольника с серединой противоположной стороны.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Столица европейского государства. 3. Лечебное учреждение. 4. Специалист с техническим образованием. 5. Проверочное испытание по учебному предмету. 6. Курорт в Абхазии. 7. Химический элемент. 12. Четверть года. 13. Промысловая рыба. 14. Город в Краснодарском крае. 15. Ударный музыкальный инструмент. 16. Французский писатель. 21. Певец, выступавший на сцене Большого театра. 22. Фотографическое изображение. 24. Офицерское звание. 25. Мука из овса. 27. Часть речи. 28. Советский композитор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Серпантин. 8. Короленко. 9. Верещагин. 10. Коловорот. 11. География. 16. Гадолиний. 17. Амальгама. 18. «Гайдамаки». 19. Ротапринт. 22. Нежданова. 27. Аквамарин. 28. Миссисипи. 29. Роттердам. 30. Водоворот. 31. Отделение. 32. Кронштейн.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Простаков. 3. Навигация. 4. Поговорка. 5. Коростель. 6. Галактика. 7. Пикировка. 12. Парафраза. 13. Гармоника. 14. Филателия. 15. Ирригация. 20. Телевизор. 21. «Подросток». 23. Антверпен. 24. Основание. 25. Бадминтон. 26. Натюрморт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунок художника В. Викторова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

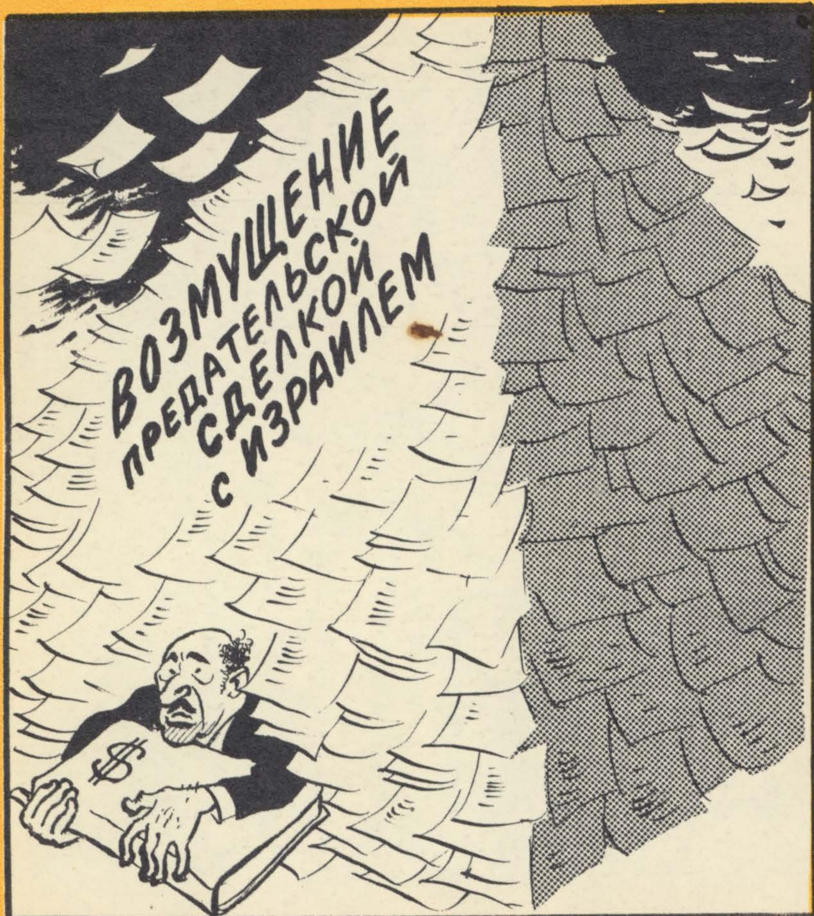
**Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 09.04.79. Подписано к печати 24.04.79. А 00651
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1006. Заказ № 490.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.



Новая пирамида.



Маоисты разбушевались...

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

«Демократические» ухищрения.



Парад «юбиляров».





Цена номера 35 коп.
Индекс 70663